

Станислав Бах

ГОНКИ НА ЧЕРЕПАХАХ

Станислав Бах

Гонки на черепахах

«Автор»

2012

Бах С.

Гонки на черепахах / С. Бах — «Автор», 2012

Увлекательный роман о приключениях спортсменов-джиперов, гонщиков по бездорожью.

© Бах С., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Гид	6
Забава	14
Шуруп	18
Принцесса	25
Футбол	30
Фраза	35
Женя	40
Озеро	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Станислав Игоревич Бах

Гонки на черепахах

От автора

Обратно всегда есть три дороги: та, по которой приехали все, та, по которой приехал ты, ну, и самая короткая.

Внимание!

Кто не любит про машины, может трогаться со второй главы.

Спасибо питерским джиперам

Александру Дерюгину,

Алексею Гарагашьяну,

Юрию Овчинникову,

Тимофею Черкасову,

Руслану Молчанову,

Александру Чикину,

Борису Гадасину,

Алексею Голубеву,

Максиму Григорьеву,

Анатолию Викторову,

Анатолию Молчанову,

Николаю Загребельному

и Андрею Ткачуку из Москвы,

без которых писать было бы просто не о гем.

Гид

Колесо провернулось, и прежде чем Гид утопил педаль сцепления, сделало пол-оборота. Слишком много. Мох, тонким ковром покрывающий болото, прорвался, и машина начала медленно крениться. Гид щелкнул блокировкой переднего дифференциала, включил задний ход, высунулся в окно и, не отрывая глаз от колеса, начал осторожно отпускать сцепление. Двигатель заурчал чуть более натужно, колесо едва тронулось, но Гид, почувствовав, что машина не сдвинулась, а лишь слегка опустилась, снова резко выжал педаль, перевел коробку в нейтраль и заглушил дизель. В окно ворвалась неожиданная тишина.

Он потянул ручку. Дверь, чуть приоткрывшись, мягко уперлась в кочку.

– Что, пугать меня вздумали? – пробормотал Гид.

Из-под двери на рифленый алюминиевый пол потекла темная вода с кусочками мха, вялыми лепестками, обрывками листьев и прочей болотной мелочью. Вода слегка плеснулась и закружилась вокруг ботинок.

Пару секунд Гид смотрел на этот хоровод, потом захлопнул дверь, подняв на полу небольшой шторм. Потянувшись к правой двери, он попробовал открыть ее, но результат был таким же. Под днищем машины что-то изредка булькало и чмокало.

– Ладно, кикиморы, рано радуется, – сказал он уже громче.

Начинало темнеть.

Гид снял гоночные перчатки и достал из короба брезентовые рабочие. Он просунул руку в окно и ухватился за проходящую вдоль крыши трубу защитного каркаса. С трудом протискиваясь между рулем и рельефным сиденьем, Гид начал вылезать через окно наружу. Эта акробатика никогда ему не нравилась, но он упорно не хотел менять штатный руль Дефендера на компактный спортивный бублик. Лавируя в лесу между деревьями, Гид мог царапнуть передним углом каркаса по дереву, содрав кору, но не стукнувшись, и считал, что маленький руль не даст такого взаимопонимания с машиной. А может, он боялся, что, если в центре штурвала вместо эмблемы «Land Rover» окажется «Мото» или что-нибудь подобное, Деф обидится.

Два с лишним года назад, в конце зимы, он купил эту машину у Горностая, сделавшего из серийного пожилого Дефендера настоящий вездеход. Когда друзья слышали, сколько Гид отдал за архаичный мятый двухместный внедорожник, шумный, с тесным салоном, с передней панелью, испещренной грубо прикрученными алюминиевыми вставками с разномастными тумблерами и лампочками, они крутили пальцем у виска. Но Гид был влюблен в эту машину, и она отвечала ему взаимностью. Правда, первое время все было не так гладко.

Тест-драйв был пройден, про все бесчисленные хитрые и нехитрые устройства для борьбы с земной поверхностью показано-рассказано. Горностай не стал пересчитывать полученные деньги, отдал документы и уехал.

Гид тут же влез в кабину. В нем проснулся мальчишка, который целый год разглядывал в витрине машинку, а потом неожиданно получил ее от Деда Мороза. Мальчишка, который уже не видел улыбающегося сквозь белоснежную ватную бороду отца и не слышал маминого «А сказать спасибо?». Который, сжимая руль, уже мчался по бескрайней тундре, который взлетал на крутые горы, вез дрова бабушке и спасал доктора Айболита.

Гид завел мотор и, играя педалью газа, послушал пробирающийся до мурашек марш, исполняемый квартетом контрабасов-цилиндров и вступающей на высоких оборотах флейтой турбины. А как только иней на лобовом стекле потек мутными каплями, он рванул в ближайшие пампасы. Погоняя вдоволь по заснеженному полю, Гид переехал вброд Выюн-ручей, в который раньше соваться ему и в голову бы не пришло, и, уверовав в безграничные возможности своего приобретения, атаковал глубокую канаву. Деф зацепился рамой за жесткий промерзший край

откоса, двигатель обиженно рыкнул и заглох, будто хотел сказать, что он-то не против, только передачу нужно выбирать правильную.

– Ну, немного погорячился, – произнес Гид и подумал, что стоит несколько раз заглушить мотор при раскаленной на больших оборотах турбине, та и кончится.

Он потянулся к передней панели, разыскивая взглядом большую круглую кнопку стартера. Кнопка упруго подалась вглубь, но Деф молчал. Понажимав ее еще несколько раз, Гид вылез из машины, заглянул под подушку сиденья и проверил, затянуты ли клеммы аккумулятора. Затем откинул два наружных подпружиненных замка, поднял тяжелую крышку капота и вскарабкался на бампер. В лицо пахло горячим маслянистым выдохом мощного дизеля. Крышка слегка перекосилась на кривом самодельном упоре и угрожающе покачивалась. Убедившись, что сверху к стартеру все равно не подобраться, Гид захлопнул капот, вернулся в кабину и взял танкету рации.

– Горностай, ответь Гиду.

Рация молчала.

– Горностай Гиду... Горностай Гиду...

Видимо, тот был уже далеко. Гид достал телефон.

Горностай выслушал и, не задавая никаких вопросов, сказал:

– Ты... дай ему трубку.

Он познакомился с Горностаем всего пару недель назад, и тот никак не производил впечатления весельчака, тем не менее Гид подумал, что это – розыгрыш. Он немного помедлил, но все же поднес телефон к торпедо. Слов было не разобрать, но Горностай действительно что-то говорил. Подождав, Гид вежливо покашлял, будто хотел прервать разговор двух старших, и сказал в телефон:

– Аллю.

– Ну, попробуй еще раз.

Гид недоверчиво хмыкнул и надавил на кнопку. Стартер зажужжал как ни в чем не бывало, дизель почти сразу рявкнул и, выпустив вбок черное облако, затарахтел.

– И что это было? – спросил Гид.

– Да ему просто надо было дать паузу, – последовал бодрый ответ, но Гиду показалось, что в голосе Горностая появилась какая-то фальшь.

Уже подъезжая к дому, Гид сказал вслух:

– Будь ты собакой, я бы решил, что ты не хочешь служить новому хозяину.

Этот случай крепко врезался в память, но сейчас, кроме самого себя, винить было некого.

Стукнувшись коленом о край оконного проема, Гид наконец выбрался наружу. Высокий армейский ботинок скрылся под водой, голень зашекетали холодные струйки. Он почувствовал, что наступил на что-то мягкое, будто живое. Последнюю неделю было довольно тепло, но болото, в котором били тысячи родников, никогда не прогревалось. Гид опустил вторую ногу и, держась рукой за машину, двинулся вперед, собираясь добраться до передней лебедки. Сделав пару коротких осторожных шагов, он пошел увереннее и внезапно ухнул в какую-то яму.

Болото Неодолимое уходило вдаль на несколько километров. Обычное верховое болото, дающее начало сотням мелких ручьев, собирающихся потом вместе и постепенно превращающихся в речки. С одной стороны болото окаймлял высокий сосновый лес, с другой шла цепочка травянистых холмов, по которым неизвестно кем и зачем было накатано множество разномастных извилистых дорог. Здесь Гид и облюбовал несколько тренировочных маршрутов.

Последний месяц он был занят то подготовкой джип-тура по Карелии, то ремонтом машины, то еще чем-то, но как только появилась возможность, поехал прокатиться.

Шуруп, его постоянный штурман, сюда обычно не ездил, поскольку места были им обоим хорошо знакомы, да и в навигации Гид разбирался не хуже. А оттачивать мастерство ползанья

по канавам с тросом в руках Шурупы не особо нравилось. Гид без штурмана обычно ездил осторожнее и не совался в откровенно гиблые места.

По болоту же нужно было проехать всего-то метров тридцать, в объезд давно провалившегося деревянного мостика. Дальше до самого дома шла нормальная дорога. Гид проезжал здесь не один десяток раз и всегда старался выбрать в болоте новую траекторию, а если такой не находил, выбирал самые старые следы. Главное было – не спешить, ну и не забыть стравить в лепешку огромные болотные колеса. Глубоких ям здесь раньше не было.

Провалившись почти по пояс, Гид понял, что по болоту до лебедки ему не добраться. С трудом вытаскивая ноги из густой жижи, он подтянулся к двери и вскарабкался на порог. Чтобы достать из бокса коррозозащитную ленту, ему пришлось почти по пояс вползти в открытое окно, затем он перебрался на капот и спустился перед машиной. Вода доходила Дефендеру до фар и полностью скрывала электрическую лебедку, лишь накинутый на рога конец троса с крюком был снаружи. Гид на ощупь перевел лебедку в режим размотки, потянул трос и освободил крюк.

Перекинув ленту через плечо, он нацепил ее петли на крюк и двинулся вперед к выезду из болота, постепенно разматывая трос. Опасаясь снова провалиться, Гид перед каждым шагом прощупывал почву ногой. Получалось очень медленно, зато он благополучно миновал еще одну оказавшуюся на пути яму.

Гид с Шурупом регулярно участвовали в трофи-рейдах – гонках по тяжелому бездорожью – и часто оказывались на высоте, если, конечно, техника не подводила. На сложном бросе можно выиграть у соперников несколько минут, а то и полчаса, ну а на болоте – и того больше. Можно выиграть гонку, не отказав себе в удовольствии выкурить сигарету где-нибудь на живописном берегу безымянной речки, глядя на никуда не спешащую воду, в месте, куда никогда не поедешь специально, но оказавшись в котором обязательно захочешь хоть немного задержаться.

То, что произошло сегодня на болоте, для соревнований – штатная ситуация, правда, вдвоем выбираться гораздо легче. Штурман, зацепив лебедку, может дожидаться машины на берегу, а пилоту обычно вообще не нужно выходить из-за руля.

Добравшись до берега, Гид подошел к группе берез, среди которых, как он помнил, росли несколько довольно толстых, но вместо них увидел лишь ямы с рваными краями и два вывороченных из земли пня. Он не спеша огляделся. На земле отчетливо проступали следы бульдозера, кругом валялись отрубленные ветки с пожухлыми листьями. На выезде из болота появилась новая глубокая колея, которую он в сумерках не заметил.

Вероятно, кто-то сунулся сюда по его следам, застрял и выкопал буксующими колесами здоровые ямины. Угнездившись окончательно, пытался выбраться на лебедке и с корнем вырвал сначала одну березу, затем вторую. Потом его вытягивал бульдозер, а поваленные деревья местные жители распилили на дрова.

Оставшиеся березки были слишком тонкими, даже чтобы цепляться за несколько сразу. Были еще деревья на другой стороне дороги, но зацепленная за них лебедка подтащит машину к самому мосту, а там и глубже, и какое-нибудь бревно поймать можно. Да и росли они подальше, и длины троса могло до них не хватить. Впрочем, других вариантов не оставалось. Оглядевшись еще раз, Гид выбрал ближайшую крепкую березу и подтянул трос, собираясь обнять ствол коррозозащитной лентой.

Не хватило. Каких-то двух метров.

– Бывает, – спокойно сказал Гид и отправился к Дефендеру за удлинителем.

Когда, наконец, трос был зацеплен и он снова оказался в кабине, уже стемнело. Если, конечно, можно назвать темнотой призрачные летние северные сумерки. Гид включил люстру на крыше.

Педали давно скрылись под водой, но сиденье пока оставалось сухим. Щелкнув тумблером топливного насоса, он нажал кнопку стартера. Двигатель помедлил, выталкивая из глушителя набравшуюся воду, и заработал, непривычно булькая выхлопом.

Гид включил питание лебедки и нажал кнопку намотки. По уму, на первых витках трос нужно сильно натягивать, чтобы намотка была ровной и плотной, иначе, когда под нагрузкой трос натянется сам, верхние витки начнут мять и заламывать неплотные нижние. Но в одиночку на болоте сделать это было почти невозможно, и Гид смотрел из кабины, как черная металлическая змея медленно заползает под машину.

Выпрямляясь, трос несколько раз приподнимался и переваливался вбок через кусты, заставляя их неестественно прижиматься к поверхности болота. Затем кусты приобретали обычную форму и лишь обиженно раскачивались. Наконец крона березы затрепыхалась, трос натянулся, и машина слегка подалась вперед. Гид перенес руку на рычаг коробки, выбрал первую, машинально пошевелил рычагом раздатки, убедившись, что она – на пониженном ряду, высунулся из окна и снова нажал кнопку намотки. Переднее колесо медленно вращалось в бурлящей воде, дизель уверенно прокручивал четыре болотных лаптя на холостом ходу, но Гид держал ногу на педали газа, готовый ее притопить, если обороты начнут падать.

Трос тянулся от машины вперед и влево. Траектория, по которой Гид ездил обычно и на которой был шанс выбраться на поверхность болота и доехать до берега своим ходом, уходила вправо, но в таком месиве даже при полностью вывернутых вбок колесах на нее было не выехать. Оставалось ползти на лебедке через топь, стараясь не прижаться к мосту.

Сантиметр за сантиметром Деф продвигался вперед, зарываясь капотом и кренясь на левый борт. Постепенно перед машиной собрался этакий болотный сугроб.

Вода в кабине прибывала, и через несколько минут она залила сиденье.

– Климатическое оружие, ну-ну, – произнес Гид.

Сугроб рос, и Дефендер все медленнее двигался вперед и все сильнее заваливался набок. Гид ждал, что передние колеса вот-вот за что-нибудь зацепятся и приподнимут машину, но этого не происходило. Когда болото подобралось к нижней кромке открытого окна, он остановился. Вода доходила ему до пояса, но на штурманском месте под водой была только часть пола.

В окне, прямо возле его плеча, на зеленой, заросшей мхом кочке кокетливо покачивались две большие спелые клюквины.

– Это что, мне? – спросил Гид. – Спасибо.

Ягоды были крепкие и вкусные. Гид вспомнил, что с утра ничего не ел, но сейчас это было неважно.

Гид крутанул лебедку обратно, ослабив натяжение троса, перебрался на правое сиденье. Из-за сильного крена штурманская дверь уже ни во что не упиралась, и, открыв ее, он выбрался наружу.

Лучи ксеноновых прожекторов на крыше заставляли светиться поднимающийся над капотом пар, делая невидимым остальное пространство. На мгновение Гиду показалось, что вокруг, кроме болота, ничего нет. Возникло гнетущее ощущение безнадежности.

– А теперь что, методы психологического давления? Ну, я вам покажу холодную войну!

Гид со злостью начал расталкивать собравшийся перед машиной ком ногами в стороны. Но ком оказался гораздо плотнее, чем обычная болотная жижа, и через пару минут он выдохся.

– Спокойствие, только спокойствие! – вспомнил Гид любимую в детстве сказку про Карлсона и подумал, что пропеллер на спине ему бы сейчас был как нельзя кстати.

Можно было позвонить Шурупу, еще не поздно было размотать заднюю лебедку, но все это означало поражение. Он принял бой и закусил удила. Какой бой? С кем? С болотом? С природой? С самим собой? Последняя формула – самая расхожая, но и самая непонятная. Это как? Правая рука против левой? А голова за кого? Или она – как рефери на ринге? Нет, не то. Может, смысл в том, чтобы, создавая самому себе трудности и преодолевая их, быть готовым

выйти победителем в реальной ситуации, когда это действительно будет вопросом жизни и смерти? Может.

Просунув руку в растерзанный ком, Гид с трудом нащупал рычаг барабана и перевел лебедку в свободный режим. Затем вытянул трос на поверхность и подsunул под него сенд-трак – прочную алюминиевую пластину метровой длины. Снова заблокировав барабан, он влез в кабину, набрался духу и плюхнулся на скрывающуюся под водой подушку водительского сиденья. Пустив лебедку, он время от времени чуть прокручивал колеса, стараясь, чтобы они не резали болото, а помогали передку подниматься. Теперь трос полз вверх вдавившегося в ком сенд-трака, немного притопив его, и тянул машину не только вперед, но и вверх. Болото у левой двери начало отступать, и когда Дефендер уперся в сенд-трак бампером, открывались уже обе двери. Гид сделал победный жест согнутой в локте рукой:

– У-у-уев!

Убрав сенд-трак, на котором стальной трос оставил глубокий порез, он повернул колеса вправо и снова пустил лебедку, стараясь держаться подальше от моста, но вскоре крен опять увеличился и пришлось крутить руль обратно. Метров пять шла борьба на равных, но болото его все-таки переиграло. Машина во что-то уперлась. Лебедка, будучи не в силах провернуться, тревожно загудела на одной ноте. Гид выругался.

– Простите, девочки, – добавил он, как бы обращаясь к кикиморам.

Неожиданно из окна донесся легкий смешок. Гид погасил фары и, насколько позволяла кабина, огляделся. Из тьмы болота на него насмешливо смотрели чьи-то глаза.

Постепенно привыкая к темноте, он начал различать темно-зеленую мокрую девичью голову с распущенными волосами. Кикимора стояла по шею в воде и что-то быстро говорила. Гид повернул фару поиска и щелкнул тумблером. Болото озарилось голубоватым светом прожектора, но там, где только что была голова, он увидел лишь похожую по форме кочку и пару блестящих листьев какого-то растения.

– Надо ж такому померещиться!

Он поводил лучом по болоту, но ничего необычного не увидел. Фара осветила березу, за которую был зацеплен трос. Ствол дерева немного наклонился, но береза крепко держалась за землю корнями. Гид выключил фару и выбрался из машины.

Отцепив от реечного домкрата ручку – длинную стальную трубу, – он начал ею протыкать растерзанное болотное месиво, пытаясь понять, во что и каким местом уперлась машина. Перед колесами он ничего не обнаружил, перед бампером – тоже. Вероятно, в препятствие уперся передний редуктор.

Гид поборол искушение применить самое грозное оружие Дефендера – механическую лебедку. Она размещалась в грузовом отсеке и весила добрых полтора центнера, но стояла того, чтобы возить такую тяжесть. Ее трос можно было вытянуть и вперед, и, через блок, назад. Тяги «механики» наверняка хватило бы, чтобы выдернуть Деф из плена, но это могло закончиться и оторванным передним мостом. Гид вернул ручку на штатное место и, поставив домкрат на сенд-трак, начал поднимать машину за передний бампер.

Поначалу качать было легко, но по мере того, как пятка домкрата вместе с сенд-траком погружалась в болото, усилие росло. Сначала, пока разжимались пружины подвески, поднимался только капот, затем начал путь вверх и передний мост. И уже в самом конце хода полтора-метрового хай-джека, когда на ручку приходилось наваливаться всем телом, машина ощутило дернулась вперед, и натянутый до этого трос лебедки немного провис. Гид облегченно выдохнул и вытер лоб грязным рукавом. Глаза щипало от пота, ныла спина.

– Нет, это не Рио-де-Жанейро!

Он представил пальмы, качающиеся на теплом ветру, океанские волны, с шумом и брызгами накапывающие на берег, уважаемых мужчин, в белых брюках фланирующих по набережной, кокетливых креолок, смуглых мулаток и себя, мокрого, перепачканного тиной, в

драной рубашке и армейских ботинках вытаскивающего застрявший в топкой луже покрытый грязью внедорожник. И усмехнулся.

Чтобы машина не уперлась в препятствие чем-нибудь еще под брюхом, Гид не стал опускать домкрат. Он дал воде вытечь из кабины и включил лебедку. Электромотор зажужжал, и Деф продвинулся вперед почти на полметра, прежде чем хвостовик хай-джека выскользнул и передок с шумом плюхнулся в жижу. Несколько минут физических упражнений, и домкрат был извлечен из-под машины, а скрывшийся в пучине сенд-трак Гид даже и не пробовал вынуть.

Через некоторое время в препятствие уперся задний мост. Звук лебедки изменился, затем машина дернулась и продолжила движение. Гид проехал еще около метра, нащупал утопленный сенд-трак и, прицепив его стропой к Дефендеру, двинулся дальше. Через минуту сенд-трак вынырнул на поверхность.

Расстояние до выезда медленно сокращалось, но глубина оставалась большой. Ледяная вода снова набралась в кабину. Гид почувствовал, что начинает замерзать. Он остановил машину, перебрался в грузовой отсек, взял топор, отцепил притянутый резинками к потолку гермомешок и отправился к берегу. Выбравшись на землю, Гид достал из мешка сухую одежду, ботинки, коробку охотничьих спичек и плитку горького шоколада. Быстро переодевшись, он порубил валяющиеся ветки и разжег костер.

Начинало светать.

Гид бросил гермомешок у дерева и сел, прислонившись к стволу. Костер лениво трепетал у его ног. Время от времени Гид подбрасывал сырые ветки. Сначала от них шел пар, потом костер начинал трещать, жадно глотая скрученные листья, потом снова затихал. Он развернул шоколад и, откусывая маленькие кусочки, не спеша ел. Это давало шанс почувствовать сытость. Хотя он понимал, что на самом деле это был просто повод потянуть время и позже вернуться в машину.

Только сейчас Гид почувствовал, как он устал. Но расслабляться было нельзя. Немного передохнуть, согреться и... Сидя у костра в сухой чистой одежде, даже думать не хотелось о месиве болота и залитом мутной холодной водой кресле. Хотелось сидеть и сидеть, ворошить палкой костер и смотреть на огонь...

Краем глаза он заметил, что дверь Дефендера беззвучно распахнулась, а затем так же беззвучно захлопнулась. Гид повернул голову. Несколько шустрых любопытных кикимор, поблескивая зеленоватой кожей, сновали вокруг машины. Их упругие тела лишь местами были облеплены тиной, но волосы всех украшали болотные цветы и листья. Кикиморы то забирались в кабину, то на крышу, то прыгали в воду, ныряли и через мгновение оказывались в новом месте.

Аккумулятор почему-то стоял на капоте, из его стенок били тонкие фонтанчики ярко-голубой искрящейся жидкости. Вокруг аккумулятора было рассыпано множество небольших стеклянных рюмок, а некоторые стояли, медленно заполняясь из фонтанчиков. Время от времени кикиморы брали наполненные рюмки и залпом выпивали, после чего по ним начинали бегать яркие разряды, кожа мерцала, распущенные волосы вставали дыбом, а сами они ежились и морщились, как от водки. Одна из кикимор неожиданно оказалась рядом и протянула полную рюмку Гиду.

Под одобрительное гуденье он выпил странный напиток. Горло обожгло, в тело как будто воткнули тысячу иголок, в глазах замелькали искры, было слышно, как в волосах щелкают разряды. Когда вернулась способность дышать, Гид спросил:

– Это что, чистое электричество?

Раздался дружный хохот, потом кикиморы наперебой защебетали, не давая ему вставить ни слова:

– Конечно, разбавленное!

– А на вид – образованный...

- Да ты налей ему чистого!
- Двенадцать вольт – это ж почти лимонад!
- Ой, не могу! Меня сейчас замкнет!
- Ты что, диод? Кто же пьет чистое?
- Чистым и пробить может!
- Что ты уставился на меня, старый разрядник!
- Какой разрядник? Он, небось, изолятор!
- А я бы с таким поискрила!
- У меня есть флакончик чистого, попробуешь?
- Интересно, а какой у него электрод?
- Хочешь, мы тебе короткое замыкание сделаем?
- А ты, случаем, не заземленный?
- А может, биполярный?
- Девчонки, а электричество-то тью-тью!
- Ой, а я еще хотела!
- Да катод вам в анод, я вообще не зарядилась!
- Зато он теперь никуда не денется!
- Мотор бы выключить...

Гид открыл глаза. Солнце еще не взошло, но было уже совсем светло. Черт! Заснул-таки! Катод вам... Двигатель Дефендера работал, но фары уже едва светились. Нет зарядки, и аккумулятор уже на исходе. А фары включены! Скоро остановится топливный насос...

От останков моста до машины было метра четыре. Гид бежал, рассчитывая прыгнуть с моста на травянистую кочку, затем на другую... Он оттолкнулся, но нога заскользила по мокрому бревну. Теряя равновесие, Гид взмахнул руками и в следующее мгновение погрузился по шею в густую холодную жижу.

Проведя столько времени на болоте, он привык к нему и перестал думать о его коварстве. Дефендер был совсем близко, но не настолько, чтобы до него дотянуться. Каша под ногами предательски расступалась, и Гид как-то отстраненно подумал, что успеет вдохнуть еще два раза. Или три, если задерет голову. Минуту без воздуха он продержится. Потом покажут ускоренное кино про его жизнь, это должно быть интересно. Ну и...

А как насчет отвалной? Неплохо бы мальчишник! Такое событие, и что? Гнилой водицы? А раздать долги? А попрощаться со всеми? А с моими? Через пару дней, лиловым и распухшим? Чтоб потом в кошмарах? А можно билетик первого класса? Ну, тогда плацкартный. Что, в грузовом? Нет, я уж лучше на машине. Что значит поздно? Да пошла ты, дура, со своей косой!

Хватит эмоций, думай! Выбраться. Дышать. Вверх. Опора. Наступить. Черт! Только глубже! Последний вдох! Еще есть минута. На обсуждение. Досрочный ответ. Шучу... Значит, жив. Рехнулся? Нет времени! Думать! Спокойно! Никаких «не»! Только «да»! Как на льду... Когда машина волчком... Смотреть туда, куда целишься! Не на столб, а на дорогу! И не в таких передрыгах... Время тикает. Воздуху бы!

Помогите! Помощь... Помощь зала. Зал... Студия... Кино... Про жизнь. Для того и показывают. Нет, кино уже потом. А ответ – сейчас! Ответ. Вопрос. Ответ в вопросе... Дзен. Вопрос. Как выжить? Ответ. Я еще жив. Не то, дальше... Мел судьбы? Дальше! Вспомнить! Может, читал? Из болота... Сам себя... Мюнхгаузен... За волосы... Думать! Ответ... Где-то рядом. Он есть. Его не может не быть. А если нет? Мама! Я не хочу! Спокойно! Перезагрузка... Бонус... Вдохнуть бы! Задрать голову... «Не задирай голову!» Бассейн. Тренер. «Дети, кто умеет плавать?» Время! Кто не спрятался... Ответ! Плавать? Болото не даст! Другого нет... «Вы проигра...» Плыть! Ответ – ПЛЫТЬ!!!

Плыть! Вперед! Поджать ноги! Толчок! В струнку! Болото. Каша. Маслом. Как в масло. Нож. Я – нож! Я могу! Руками! Вдохнуть бы... Терпеть! Сильнее! Туман... Терпеть! Облака... Быстрее! Здесь красиво... Больно! Горячо! Выхлопная труба? Доплыл! Вверх! Гонг! Вверх! Воздух!!! Дыши!

Не надышишься... Перед смертью... Вместо смерти! Я что – жив? Один-ноль... На последней минуте матча... Секунде... Нокаутом... На тай-брейке... На полкорпуса... На полвдоха... На честном слове... Закусив удила...

Я победил!

Он попробовал открыть глаза, но веки были так залеплены, что только один глаз чуть приоткрылся и закрылся снова. Погружая руки в мох, он на ощупь набирал в ладони холодную воду и пытался отмыть лицо. Внезапно сквозь закрытые веки загорелся яркий золотистый свет. Выходило солнце.

Гид открыл глаза. Совсем близко засверкала хрустальными каплями тонкая золотистая трава. Медленно поднимая взгляд, он как будто впервые видел мох, листья, крошечные цветы. Болото убежало вдаль, купая в несущихся от солнца лучах свое величие, нисколько не заботясь о том, нравится оно кому-нибудь или нет. Оно не ставило вопросов и не требовало ответов. Ему не было никакого дела до человека и его машины. Оно просто было.

Наступал новый день. Новая жизнь? Вторая жизнь? Или это был экзамен после первого семестра? Похоже, экзамен был сдан.

На щитке приборов тревожно мерцала красная лампочка зарядки аккумулятора. Стрелка вольтметра устала на цифру девять. Выпили все-таки! Да нет, сам же оставил фары гореть, вот они-то и выпили. Ну, а что зарядки нет – в болоте дело обычное. Генератор просохнет – появится. Гид пробежал пальцами по тумблерам и выключил все, кроме топливного насоса. Если ничего не включать, насос на час хватит, лебедка... Механика дотащит. Главное – не заглохнуть.

Стоя на дороге, Гид долго смотрел назад, на следы Дефендера. Потом снова забрался в кабину и нажал кнопку на навигаторе. Прибор показал бесстрастные цифры. Пятнадцать часов. Сорок два километра. Средняя скорость – чуть меньше трех километров в час. Быстрее черепахи, но медленней пешехода. Скорость бешеной черепахи. Или гоночной. Он рассмеялся.

Внезапно зашипела рация.

– Гид, ответь Забаве!

– Гид на связи.

– У тебя все в порядке?

– Да. Теперь все.

– Вчера пришло письмо от Горностая. Лучше, чтобы ты сам прочитал.

– Я скоро буду.

Забава

Забава была будто создана разбивать мужские сердца. Стройная блондинка, неглупая и без лишних комплексов, она не была красавицей, но одним взмахом ресниц и мелькнувшей в ангельски невинном взгляде чертовщинкой сражала наповал приглянувшегося ей молодого человека, после чего обычно теряла к нему всякий интерес и выбирала себе новую жертву.

В результате такой платонической распушенности у нее не складывалась личная жизнь, и когда после очередной драмы она была готова постричься в монахини, работа в «Русском сафари» где-то у черта на куличках, как альтернатива монастырю, вполне ее устроила.

Тогда, два года назад, Гид искал кого-нибудь, кто бы взял на себя обязанности секретаря, менеджера по продажам, диспетчера, короче, заместителя по всем вопросам, которые можно решить, не заводя двигатель. На объявление откликнулись многие. По телефону он всем назначал интервью на один день с интервалами в полчаса.

К середине дня Гид начал сомневаться, не перепутали ли его офис с местом проведения конкурса «Кто более нелепо войдет в кабинет». Начинали почти все претендентки с того, что чуть приоткрывали дверь и просовывали какую-нибудь часть тела. Вероятно, самую привлекательную с их точки зрения. Это могла быть рука, нога, голова или филейная область, реже – комбинация этих вариантов. Затем, когда выяснялось, что остальная часть соискательницы категорически не пролезает, дверь приоткрывалась еще немного, и совершалась попытка одним шагом достичь середины офиса, при этом успев осмотреть помещение, определить возраст и семейное положение Гида, поправить юбку, уронить телефон, сказать «Вау» фотографии на стене, наступить самой себе на ногу, шмыгнуть носом и произнести, глядя куда-то в сторону: «Драсьте, я туда попала?»

Несколько раз Гид порывался проверить, исправны ли дверные петли, но на обратном пути посетительницы почему-то распахивали дверь так, что сломали ограничитель и пододвинули оставшийся от прежних арендаторов сейф, который Гид считал намертво привинченным к полу.

«Похоже, сегодня проводится какой-то космических масштабов конкурс красоты, на который отправились все симпатичные, грациозные, обладающие приятным голосом и хорошими манерами или хотя бы одним из этих достоинств девушки города», – подумал Гид, но дверь неожиданно открылась. Нет, неожиданно было не то, что дверь открылась, а то, что дверь открылась так, как должна, по замыслу конструкторов, открываться нормальная дверь. Увидев и услышав вошедшую в офис будущую сотрудницу, Гид был готов вместо приветствия сразу спросить, какая зарплата ее устроит.

Девушку звали Зоя, и ей категорически не нравилось, как нарекли ее родители. Еще в детстве, услышав в какой-то телепередаче упоминание о королеве Занзибара, она, не разобравшись с падежами, решила стать принцессой Занзибарой и с тех пор представлялась этим именем или более коротким «Зана», оставаясь Зоей для врачей, учителей и в прочих официальных случаях. Услышав от Гида, что ей нужно выбрать позывной, она тут же радостно объявила: «Забава».

Забава неплохо справлялась со своими многочисленными обязанностями, но если группа останавливалась в Утесове, кто-нибудь обязательно становился жертвой ее чар. Это, по мнению Гида, отвлекало туристов от главной цели. Он даже хотел поговорить с Забавой на эту тему откровенно, но понял, что большую часть атак на мужские сердца она сама не замечала. Загадочные взгляды, эффектные позы, случайно не застегнутые пуговицы были настолько же естественны для нее, как и хороший вкус в одежде и умеренность в косметике.

Гид постоянно арендовал домик на базе. В приспособленной под офис гостиной располагалась вся нехитрая оргтехника фирмы: никому не нужный факс, ноутбук и безнадежно

неудобная помесь принтера со сканером. Здесь же была радиостанция, от которой в форточку, а затем к установленной на крыше антенне тянулся толстый провод. В хорошую погоду станция была километров на пятьдесят. Кроме гостиной в домике были две маленькие спальни, одну из которых занимала Забава, другую – Шуруп.

Что касалось продажи туров, то заказчика, если, конечно это был мужчина, достаточно было уговорить приехать в Утесово. Забава быстро убеждала любого, что он выбрал самый лучший вид отдыха и не будет разочарован. Сама она в туры не ездила и в основном получала информацию из рассказов туристов, которые, впрочем, действительно почти всегда оставались довольны.

Гиду никогда не нравилось проводить короткие корпоративные туры. Во-первых, получив в свое распоряжение технику всего на несколько часов, туристы зачастую относились к ней безжалостно. Во-вторых, они даже на отдыхе продолжали быть начальниками и подчиненными. Если застревала машина шефа, желающих промочить ноги в луже и перепачкаться в брызгах буксующих колес всегда было достаточно. Но если там же не могли проехать рядовые работники, то вместо помощи они могли получить саркастические, а иногда и грубоватые советы. Правда, по мере продвижения группы этот эффект постепенно ослабевал.

Была еще одна проблема – как остановить самоуверенного начальника и объяснить, в чем его ошибка, прежде чем тот угробит машину. При подчиненных – нельзя, при жене или подруге – тем более. Нужно было найти возможность пообщаться с ним без свидетелей. Для этого Гиду приходилось устраивать внеплановый привал и приглашать высокопоставленную особу к себе в машину, поручив Шурупу развлекать группу байками о своих джиперских подвигах.

Дальше Гид играл в открытую и обычно достигал цели, но на все это было нужно время, которого в коротком туре зачастую не хватало.

Но если тур длился несколько дней, люди начинали меняться. Они будто сбрасывали броню с шипами, в которой приехали из города. Время вокруг них переставало ускоряться, возвращалась способность радоваться настоящему, не пытаться контролировать будущее и совершать нерациональные поступки. Кто-то выключал телефон, кто-то, соединив руки за головой, безмятежно стоял и встречал рассвет, кто-то впервые после детства разглядывал неторопливого жука в мокрой от росы траве. И Гид радовался, что приложил к этому руку, хотя и понимал, что, вернувшись в город, они снова застегнут свои доспехи.

В середине прошлого лета в Утесово приехала молодежь. Не подростки, конечно, ребятам было лет по двадцать. Крепкие, безбашенные, не обремененные высшим образованием, в начале девяностых такие занимались рэкетом. У одного из них был день рождения. Тур заказал его отец, которому надоело после подобных праздников вытаскивать свое чадо и его друзей из милиции или откупаться от автоинспекции.

Размещение в машинах прошло без эксцессов, но на первой же стоянке двое туристов подрались между собой. Радовало только то, что бой шел честный, без применения оружия или подручных средств типа топоров и монтировок, которые лежали в багажнике каждой машины. Победитель удовлетворился первой кровью на лице побежденного и выбитым зубом, из чего Гид сделал вывод, что молодежь все-таки соблюдает какие-то свои правила, а значит, был шанс управлять этой необычной группой.

Что касалось водительского стажа, то самый опытный из них уже лет пять увлекался стрит-рейсингом, а последнее время был занят тюнингом баварской «Эмки», поставив себе цель достичь трехсот километров в час и официально зафиксировать этот результат в ГАИшном протоколе. Наименее опытный имел стаж около пяти секунд – примерно столько длился путь до ближайшего столба, когда, опоздав на метро и не имея денег на такси, он пытался угнать подвернувшийся лохматый Жигуль и просто забыл о штатной блокировке руля. Но без-

дорожья сложнее засыпанной снегом автостоянки никто из них не видел, а brutальные военные УАЗы вызывали у парней неподдельный интерес.

Гид ехал впереди и не давал никаких советов, а ребята каждый овраг пытались взять в лоб. Колонна регулярно застревала, но они оказались настоящими бойцами. Шестеро по уши грязных парней вручную вынимали тяжелые армейские внедорожники буквально отовсюду, а топкий овраг, в котором иная группа провела бы часа четыре, за двадцать минут просто был завален притащенными из леса бревнами и ветками.

Тем не менее через час прозвучала фраза, что, мол, на такой машине всякий проедет. Гид сел за руль УАЗика и наглядно показал, что дело не только в машине. С этого момента его взаимоотношения с группой начали быстро меняться. Каждый мало-мальски сложный участок они просили прокомментировать и очень бурно реагировали на свои и чужие успехи и ошибки.

К концу дня ребята были чуть живые, но продолжали сражаться, а застревали уже гораздо реже. Гид в их разговорах за этот день превратился из почтальона Печкина (снисходительно, после нескольких повторов на брифинге) в графа Суворова (с уважением, после отчаянного штурма вереницы холмов, названной кем-то из них Альпами).

Доехав до базы, они буквально выпали из машин и казалось, что никакая сила их уже не поднимет. Но бойцов сопровождали три лахудры с волосами космических цветов, в заклепках, коже, татуировках, пирсинге и граффити вместо косметики. И когда девицы заявили, что хотят в сауну, парни очнулись, как от нашатырного спирта.

Через час вся компания носилась нагишом из сауны в озеро и обратно, а ближе к ночи запасы спиртного истощились, и в «офис» явился представитель отдыхающих с целью узнать о возможностях базы в плане «еще». Гонцом был выбран самый здоровый из них, может, как наиболее убедительный, а может, как кажущийся самым трезвым.

Забава, в легкомысленном халатике, открыв дверь, увидела слегка подвыпившего высокого парня, которому требовалась какая-то помощь, и прежде чем она смогла понять цель визита, его уже не интересовало ничего, кроме как забраться к ней в постель. Забаве едва удалось вырваться из сильных грубых лап, и она в слезах помчалась к Гиду.

Выслушав ее сбивчивый рассказ, он задумался, как должен действовать в сложившейся ситуации граф Суворов. Им предстоял второй день тура, и армия не должна была разочароваться в своем полководце. Было очевидно, что, с точки зрения бойцов, Забава не могла не быть его девушкой, иначе какой же он воевода? Ну, а за домогательство к подруге командира виновного должна была ждать смертная казнь или, как минимум, публичное наказание. Сходиться даже с изрядно выпившим верзилой врукопашную было рискованно и глупо, личной гвардии у Гида не было, и он вспомнил про охотничье ружье, без дела лежавшее на антресолях. Гид достал едва блеснувшее матовым боком полуавтоматическое ВетаМеШ, прикрепил ствол и вставил патрон с дробью в патронник. Хорошо бы на такой случай иметь холостые, подумал он, и на всякий случай снарядил подствольный магазин еще четырьмя патронами.

Забава, услышав характерный щелчок затвора, выглянула из гостиной и побледнела. Гид попросил барышню запереться в тереме и не подходить к окнам, а сам вышел на улицу и, положив ружье на плечо, не спеша отправился к офису.

Вся компания, кое-как одетая, была в сборе. Ребята пытались успокоить мечущегося по комнате Забавы героя-любовника и убедить его покинуть чужие покои, но ситуация их явно веселила, а гонец вошел в образ и, круша и без того скудную мебель, громогласно требовал, чтобы девушку привели ему на растерзание.

С появлением вооруженного Гида они смолкли, а верзила, почувствовав, что на улице что-то происходит, застыл у окна, пытаясь разглядеть в темноте, что именно. Гид видел, что парня просто переклинило, но он в своем уме и вряд ли рискнет вести боевые действия против вооруженного противника. Но ситуация требовала от него решительности.

Он молча щелкнул предохранителем и шарахнул из ружья в толстую бревенчатую стену. Приклад жестко ударил в плечо, полетели мелкие щепки, отчаянно зазвенело в ушах. В доме, вероятно, тоже прогрохотало убедительно, поскольку буквально в следующую секунду по дорожке от офиса, сверкая белыми ягодицами, промчалась высокая загорелая мужская фигура.

– Зачет! – одобрительно произнес кто-то из ребят.

В это время отодвинулась занавеска на другом окне дома, и появилась заспанная физиономия Шурупа.

– Че вы тут стучите, дайте поспать!

Не дождавшись ответа, Шуруп рухнул обратно на кровать.

– Кремень! – раздался тот же голос.

Гид вернулся домой. Забава открыла дверь и, как только он поставил ружье в угол, повисла у него на шее. Она слегка дрожала и что-то быстро говорила. В ушах продолжало звенеть, и Гид с трудом разбирал ее слова, но чувствовал, что преисполненная благодарности девушка готова мужественному защитнику ее девичьей чести эту честь и отдать. Он прекрасно понимал, что служебный роман рано или поздно приведет к каким-нибудь проблемам или, как минимум, к потере ценного сотрудника, да к тому же у него в ту пору была пассия в городе. Только какой мужчина способен об этом думать, обнимая очаровательную полуодетую юную особу, к которой испытывает искреннюю и отнюдь не платоническую симпатию?

Гид и не заметил, в какой момент его руки сомкнулись на ее талии, но, почувствовав, что все больше начинает понимать своего недавнего оппонента, сделал не очень убедительную попытку разомкнуть объятия. Затем верх взяли воспитание и природная чуткость, не позволившие ему оскорбить отказом только что пережившую сильный стресс девушку. Его альтруизм и ее благодарность кипели и бурлили до самого утра, отчего второй день тура начался позже обычного и дался Гиду с некоторым трудом.

Вечером на церемонии прощания группа высоко оценила качество тура, звучали обещания приехать еще и восторженные фразы типа: «Ну ты, блин, профи!» Но больше всех Гида удивил тот самый здоровяк, когда, протянув могучую пятерню, он негромко произнес:

– Будут с кем проблемы – звони. Мы за тебя кого хочешь...

После их отъезда Гид проспал почти сутки, а Забава уехала в город. На следующее утро она позвонила и попросилась в отпуск на две недели. Гид не возражал.

В следующие выходные состоялись очередные соревнования «Киварин-трофи», которые они с Шурупом старались не пропускать. Правда, выступили в этот раз неудачно: порванная полуось не позволила им вовремя финишировать.

Забава вернулась немного похудевшая, но загорелая и веселая, и никак не показывала, что их отношения сколько-нибудь изменились. Гид, зная об обычной краткосрочности ее увлечений, был, в принципе, готов к тому, что столь внезапно начавшийся роман так же внезапно и закончится. Нельзя сказать, чтобы его очень обрадовал такой поворот, но, решив, что оставить в памяти яркое и ничем не омраченное воспоминание дорогого стоит, он не стал настаивать на продолжении.

Шуруп передал Забаве ненавистные ему конторские дела и с удовольствием окунулся в подготовку Дефендера к следующим соревнованиям.

Шуруп

Два года назад Шуруп прислал электронное письмо, в котором одной-единственной фразой извещал Гида о своем желании трудиться в его фирме. В ответном письме Гид предложил ему подготовить маршрут джип-тура в районе кордона Калелово.

Прошла неделя, наступила пятница. Какое число, уже никому не вспомнить, но точно не тринадцатое, иначе неизвестно, чем бы закончилась эта история. Во второй половине дня у Гида была назначена встреча с управляющим банка по вопросу открытия кредитной линии. Утро было свободно, и Гид решил, что пора принять работу кандидата.

Уровень сложности тура был определен как легкий, Шуруп прокатал его на обычной Ниве, и Гид был уверен, что на подготовленном пикапе Мицубиси Л-200, который использовался в качестве головной машины, он пройдет его максимум за час и вылезать из машины не придется. Далее он планировал заскочить на мойку и направиться в банк.

Когда Гид, в деловом костюме, галстук и с лежащим на заднем сиденье портфелем с документами, подъехал к месту старта, Шуруп уже ждал. Он сел в машину Гида, поздоровался и начал говорить.

Через двадцать минут Гид был в курсе всех событий, произошедших за последний год не только с самим Шурупом, но и с его родственниками, друзьями, однокурсниками и соседями, а также с членами их семей и домашними питомцами.

Через сорок минут был перечислен полный перечень узлов, деталей и деталей узлов, из которых собран автомобиль Нива, и были упомянуты все попытки модернизировать эту замечательную машину, произведенные кем бы то ни было в современной истории.

Когда же они подъехали к финишу, Гид был проинформирован, на каких колесах ехал каждый из ста тридцати двух автомобилей участников последней «Ладоги-трофи», а также кто из них и как застрял, преодолевая болото Неодолимое.

При этом Шуруп не забывал вовремя вставлять фразы типа «сейчас направо», «а здесь налево» и «осторожно, тут пенек», и Гид подумал, что человек, способный под нагрузкой такого потока информации ни разу не сбиться с маршрута, просто обязан быть классным штурманом.

Позывной «Шуруп» очень подходил ему: тощий, длинный, весь какой-то в острых углах, деревенский мальчишка, недавно закончивший автомобильный техникум, которого в жизни интересовали только две вещи: полноприводные машины и бездорожье. При этом он неплохо для своего возраста разбирался и в том и в другом, но невероятная разговорчивость Шурупа вкупе с жутким лексиконом несколько обескураживала. Лаконичность отправленного Гида письма объяснялась плохим знанием литературного языка и сложностью нахождения нужных букв на клавиатуре. Ну, а отсутствие ошибок в письме было исключительно заслугой компьютера и опции «Правописание».

Тем не менее его работой Гид остался доволен, замечаний не было, можно было выезжать на шоссе. Шуруп предложил два варианта: длинный и короткий. Длинный путь по проселочной дороге был запланирован для туристов и проверен, а короткий через брод он не проверял, но год назад проезжал на Ниве без малейших проблем. Гид, разумеется, выбрал короткий.

Брод через реку Сестру не вызывал никаких опасений. Дождей за последний месяц было не по-осеннему мало, уровень воды во всех водоемах снизился. Шуруп, взглянув на речку, сказал, что год назад вода была выше, а сейчас будет и вовсе по ступицу. Гид без колебаний включил вторую пониженную и тронулся, не обратив внимания, что течение в реке почему-то отсутствовало. Машина медленно, но уверенно двигалась вперед, плавно погружаясь.

Когда выхлоп начал булькать из-под воды, у Гида возникли некоторые сомнения. Шуруп молчал, разглядывая бобровую плотину, перегородившую реку чуть ниже по течению. Гид был

здесь впервые и не знал, что год назад плотины не было. Вода потихоньку поднималась. Он быстрым движением перешел на первую. Когда до середины реки было еще метра три, вода плеснулась на капот. Двигатель дышал через шноркель, а Шуруп посмотрел на костюм Гида и дышать вообще перестал. Гид выключил вентилятор.

Машина была новой, уплотнители справлялись со своей задачей, и в кабине было сухо. Но вода за бортом поднималась все выше и выше. Гид понимал, что, если он остановится и попытается тронуться назад, в горку, колеса наверняка забуксуют.

– Где самое глубокое место? – спросил он.

Шуруп, начисто потерявший дар речи, сделал неопределенный жест руками. Когда вода подобралась к окну, Гид сделал то, что делать категорически нельзя, – он закрыл окно. Шуруп понял, что в этот злополучный день закончится не только его так и не начавшаяся карьера, но, скорее всего, и жизнь, набрался духа и закрыл свое.

Капот полностью ушел под воду, лобовое стекло быстро запотело. Гид вел машину по памяти, а Шуруп чувствовал себя запертым в трюме матросом тонущего крейсера «Варяг».

На середине реки вода на несколько сантиметров залила боковые стекла. Если бы они ехали на обычном джипе, машина давно всплыла бы. Но грузовой кузов пикапа заполнился водой и машина продолжала касаться дна.

Середина была пройдена, и капот начал приподниматься. Гид вздохнул с облегчением, а Шуруп наконец выдохнул и даже попытался произнести какое-то междометие, как вдруг где-то сзади совсем близко раздался шум небольшого водопада. Задние колеса длинного четырехдверного пикапа еще только доехали до самого глубокого участка, и через открытое окно задней двери в машину хлынул поток воды.

Скорость, с которой метнулась рука Шурупа, была такой, что Гиду показалось, что тот вообще не шевелился, а портфель с документами в следующее мгновение сам оказался у Шурупа на коленях.

Гид подавил в себе желание прибавить газ, понимая, что машина толкает перед собой огромный объем воды, да к тому же движется слегка в гору и попытка ускорить ее может закончиться плохо. Но, благодаря подъему, вода еще только подбиралась к его начищенным полуботинкам, в то время как на полу у заднего сиденья уже могла бы плескаться рыба.

Если ботинки можно было и промочить, то мокрые брюки сделали бы визит в банк невозможным, и Гид, спасая свой гардероб, поднял правую ногу, нажимая на газ каблуком, а левую вообще закинул на торпедо. Водопад за спиной стих. Гид выехал из реки, остановился и открыл дверь. Шуруп быстро распахнул остальные, выпустил воду и сел обратно. Гид не спеша выкурил сигарету. Шуруп молчал уже минут пять.

– Через неделю соревнования. «Путь Самурая». Слышал?

Шуруп кивнул.

– Поедешь со мной штурманом?

Шуруп часто закивал.

Накануне соревнований неожиданно выпал первый снег. В лучах низкого осеннего Солнца он сверкал на не успевших облететь желтых листьях. Гид подумал, что, вне зависимости от результата, одна эта красота уже стоила того, чтобы здесь оказаться. Для него это был первый старт, а Шуруп хоть и имел небольшой опыт, но на Дефендере никогда не ездил, ни за рулем, ни штурманом.

В первый день был пролог и ориентирование по спутниковым навигаторам. Пролог они провалили. Широкий Деф просто не мог вписаться в поворот, в который легко занырявали юркие Самураи и Нивы, и Гид, сдавая назад, сбил вешку.

Вечером посередине лагеря на дереве появился листок с результатами второго этапа. Гид с удивлением узнал, что после ориентирования они уже третьи. Разрыв у пяти лучших экипа-

жей был небольшой, и все должно было решиться во второй день – на скоростной линейной гонке. Участники и зрители обсуждали варианты развития событий. Их с Шурупом никто всерьез не воспринимал, правда хвалили машину.

Утром участникам выдали легенду – координаты пяти обязательных точек в лесу, через которые нужно было проехать и, в качестве подтверждения, сфотографировать. Было сказано, что точки находятся рядом с дорогой и разыскивать их не потребуется. Машины стартовали с интервалом в десять минут. Гид и Шуруп, как неудачно выступившие на прологе, стартовали предпоследними. Тем, кто едет в конце, достается трасса, уже сильно разбитая предыдущими машинами. Быть первым тоже сложно – нужно хорошо ориентироваться, в то время как остальные могут ехать по чужим следам.

Трасса начиналась прямо на берегу небольшой речки. Брод был неглубокий, но из-за отвесных берегов довольно сложный. На старте было полно народа: зрители, журналисты, фоторепортеры, даже телевидение. Деф на широко расставленных зубастых колесах, весь увешанный лебедками, тросами, сенд-траками и прочим внедорожным вооружением, выглядел как Шварценеггер в фильме «Коммандос». Щелкали затворы фотоаппаратов, кто-то, явно осведомленный в офф-роуде, громко сказал, что это – единственная машина, у которой есть шанс забраться на другой берег без помощи лебедки.

Шуруп щеголял в новом огненно-красном непромокаемом комбинезоне, который ему подарили финны в последний день работы какой-то выставки. Этот экспериментальный экстремальный гидрокостюм с невероятным количеством кнопок, молний и застежек был разработан специально для финских спасателей. А собственно сама экстремальная экспериментальность заключалась в находящемся на груди комбинезона регуляторе, которым можно было менять его плавучесть.

Гид и Шуруп сидели в кабине, ожидая своей очереди, и смотрели, как стартуют другие экипажи.

– Вот вполне подходящая машина. Вы не возражаете?

Гид повернул голову. На него смотрел репортер с большим микрофоном в руке, а в паре метров от него замер оператор с наплечной видеокамерой.

– Пожалуйста, – ответил Гид, не совсем понимая, о чем идет речь.

Репортер повернулся к видеокамере, картинным жестом облокотился на крыло Дефендера и хорошо поставленным голосом заговорил.

– А вот машина одного из экипажей, претендующих на победу. Обратите внимание, как экипирован этот внедорожный монстр. Колеса... Домкрат... Лебедка... Давайте узнаем, о чем думает водитель или, как здесь принято называть, пилот перед стартом.

Репортер широко улыбнулся и поднес микрофон ко рту Гида. Тот немного смутился, но после небольшой паузы ответил.

– Я думаю о том, что вода в речке, в которую мы скоро нырнем, очень холодная.

Репортер поморщился и повернулся к камере.

– Конечно, о победе! О чем еще могут быть мысли участников в этот драматичный момент.

Он снова повернулся к Гиду, но смотрел теперь менее доброжелательно.

– У вас прекрасно подготовленная машина, и сами вы производите впечатление опытного спортсмена. Скажите, как давно вы занимаетесь трофи?

– Не очень давно, – Гид бросил взгляд на часы, – только что начались вторые сутки. Но у меня довольно опытный штурман.

Шуруп с чувством собственного достоинства слегка кивнул.

– То есть вы – дебютант? – Репортер разочарованно вздохнул, но тут же собрался и продолжил, мастерски изображая интерес: – Расскажите, а как вы узнали о гонках по бездорожью? Ведь это совсем молодой вид спорта.

Микрофон снова оказался перед лицом Гида. Тут репортер заметил на белоснежном рукаве своей куртки комочек грязи, и его лицо исказила брезгливая гримаса. «Какого черта я делаю в этом свинарнике, вместо того чтобы в Ледовом дворце любезничать с юными фигуристками?» – прочитал Гид в его глазах.

– Да, в России этот вид спорта появился недавно, раньше у нас просто не было бездорожья, – произнес Гид, уверенно глядя в камеру. – Что касается других стран, то историки утверждают, что еще во времена завоевания Америки испанские мореплаватели неоднократно упоминали о популярных среди туземцев Галапагосских островов гонках на огромных слоно-вых черепахах.

– Интересная аналогия, – вставил репортер.

– Это не просто аналогия, слишком много общего, – возразил Гид. – Трассу соревнований туземцы прокладывали по бездорожью. Обязательно были труднопроходимые участки, куда ни одна черепаха добровольно не сунется. Экипаж состоял из двух человек. Пилот управлял черепахой, а штурман бежал впереди, прокладывая путь, чтобы она не застряла и не перевернулась. Мало того, иногда туземцы использовали простейший вариант домкрата.

– Как домкрата? – вырвалось у репортера.

– Если черепахе не хватало дорожного просвета и она «садилась на брюхо», туземцы подсовывали под нее вагу, длинную прочную жердь, и, как рычагом, сталкивали ее с препятствия. Этот метод используется до сих пор. Кстати, и выражение «сесть на брюхо» пошло именно оттуда.

– Может, и лебедки у них были? – с иронией спросил репортер.

– Конечно, настоящих лебедок у туземцев не было. Но они применяли такой метод: обматывали вокруг панциря черепахи лиану, наподобие пояса, пригибали к земле стебли бамбука, растущие поблизости, и привязывали их вершины к этому поясу. Несколько десятков согнутых упругих стволов помогали черепахе выбраться из самой сложной ситуации.

– И все же мне кажется, что у черепахи и джипа довольно мало общего.

– Конечно, отличия есть, но многое совпадает, – продолжал Гид. – И там и там полный привод, схема «четыре на четыре». Вес слоновой черепахи мог достигать тонны, а это – вес Сузуки Самурая. Даже скорость примерно такая же.

– Вы хотите сказать, что черепаха может бегать со скоростью джипа?

– Нет, я хочу сказать, что вчера на ориентировании наша средняя скорость оказалась около трех километров в час, а это – скорость большой черепахи.

Репортер пожелал им удачи, что-то еще сказал в камеру и удалился.

– Откуда ты столько знаешь про черепах? – спросил Шуруп.

– Про черепах? Это была импровизация.

Машины эффектно прыгали в воду, а затем на лебедке вылезали на другой берег. Каждая из них понемногу углубляла дно реки в месте приземления. Гид и Шуруп внимательно наблюдали за происходящим. Стартовавшая перед ними машина стукнулась бампером о дно и едва не «сделала уши» – так в автоспорте называется переворот. Шуруп предложил прыгать не там, где все, а немного сместившись по берегу. Он выскочил из машины, проверил глубину палкой, и Гид прыгнул... точно на утопленное бревно. И вместо того, чтобы единственными из участников выехать на другой берег своим ходом, они оказались единственными, кто не смог в воду съехать.

Разматывая трос механической лебедки, Шуруп перешел реку по дну, но другой берег был крутым, и ему никак не удавалось взобраться. При очередной попытке он поскользнулся и нырнул в ледяную воду с головой. Вода начала заливать за шиворот, и он быстро крутанул тот самый регулятор. Зрители на берегу ахнули: тощий до этого Шуруп на глазах начал превращаться в гигантского колобка.

То ли он перестарался, вращая регулятор, то ли финским спасателям так удобней спасать, то ли это вообще был костюм не для спасателей, а для тех, кого эти спасатели спасали. Так или иначе, но в надувшемся экстремально-экспериментальном ярко-красном комбинезоне Шуруп был абсолютно беспомощен.

Медленно проплывая с крюком в руках мимо онемевших зрителей, он даже не видел, что приближается к торчащим из воды сваям. Глядя на уплывающего штурмана, лишённого возможности бороться не то что с бездорожьём, но и за свою жизнь, Гид понял, что надо что-то делать, и вспомнил про лебедку.

Обычно он использовал первую или вторую передачу в рабочем режиме и третью – для намотки. Но опасаясь, что Шуруп врежется в сваю, Гид включил пятую и нажал на газ. Барабан бешено завертелся, штурмана развернуло, и он стремительно поплыл против течения. Зрители аплодировали.

Гид успокоился, немного сбавил обороты, но тут заметил, что Шуруп плывет какими-то рывками. Тяжелый стальной трос, скользя по дну, за что-то зацепился и начал тянуть его вниз. Но Шуруп продолжал держать крюк мертвой хваткой, даже когда его голова и верхняя половина туловища ушли под воду. Гид дал лебедке задний ход, трос ослаб и отцепился. А через полминуты он подтащил штурмана к машине, взял нож и вошел в воду.

Зрители охнули. Папарацци прицелились объективами и замерли в предвкушении кадров кровавой расправы. В последний момент Шуруп увидел занесенный клинок и закрыл глаза. Гид вонзил острый финский нож в раздувшийся живот финского комбинезона. Костюм испустил дух. Шуруп почувствовал, что снова может шевелиться.

Вторая попытка зацепить лебедку увенчалась успехом, и вскоре они уже мчались по разбитой лесной дороге. Шуруп не сильно переживал по поводу испорченной амуниции и изучал полученную на старте легенду.

Когда навигатор показал, что до первой точки остается около двухсот метров, они увидели, что все следы уходят куда-то вбок на старую лесовозную колею, а впереди на дороге снег не тронут. Они свернули по следам, и вскоре перед ними предстала довольно странная картина: все шесть стартовавших до них внедорожников стоят недалеко друг от друга, а штурманы и некоторые пилоты носятся по близлежащему лесу, разглядывая стволы деревьев. Судя по показаниям навигатора, точка была где-то здесь. Шуруп окликнул пробегающего мимо знакомого.

– Где точка-то?

– А «бип» его знает! Мы здесь, «бип-бип», уже полчаса. «Бип-бип-бип»!

Шуруп собирался уже выскочить из машины, но Гид его остановил.

– Первая машина стартовала за час до нас. Здесь двенадцать человек, и это – не новички. Если они не нашли точку, значит, ее здесь нет.

– Ну, и что нам делать?

– Давай подумаем, что могло произойти.

– Кто-нибудь пошутил и стер точку, – предположил Шуруп.

– Отлично. Но краску с дерева так просто не сотрешь. Да и кому это нужно? А мог навигатор оргов выдать неправильные координаты?

– Мог, да и неправильно записать цифры они могли запросто. Только это всплыло бы вчера на ориентировании.

– Но на ориентировании этой точки вроде не было, – возразил Гид.

– Это у нас не было. Смотри, линейка проходит всего через пять точек, а номера вон какие: сорок восемь, семьдесят один, девяносто пять. Наверняка это тоже точки ориентирования, только не в нашем зачете, а в «Стандарте» или в каком-нибудь еще, – ответил Шуруп.

– Давай посмотрим вчерашнюю легенду, – предложил Гид.

Шуруп открыл бокс и достал легенду ориентирования. В ней оказалась точка с тем же номером. Координаты отличались всего одной цифрой, но на местности эта цифра давала ошибку около четырехсот метров. Шуруп быстро поменял координаты в навигаторе.

– Гид, погнались!

– Куда?

– Обратно, на дорогу. Точка где-то там, только дальше. Не надо было сворачивать.

Развернуться на лесовозной колее было не так просто, а когда это удалось, Гид увидел, что несколько машин тоже начали разворот.

Когда они выезжали на дорогу, со стороны старта подъехала Тойота, стартовавшая последней. Пилот тоже собирался поворачивать на колею, но остановился, пропуская возвращающийся Дефендер, и высунулся из окна.

– Что, утюг забыли выключить?

– Точно! И еще молоко на плите, воду в ванной, свет в коридоре и не поздравили бабушку с днем нефтяника! – ответил Шуруп. – А точки там все равно нет.

– Как нет?

На этот вопрос Шуруп не успел ответить, Деф уже ехал дальше по дороге, продавливая колесами свежий хрустящий снег.

– Зачем ты сказал про точку? – спросил Гид. – Они бы сейчас сунулись навстречу остальным и разъезжались бы с ними на колее.

– Не знаю... Так вроде никто не делает...

– Что, перехитрить соперника считается неспортивным?

– По-моему, да, – ответил Шуруп.

– Интересно. И где они сейчас?

Шуруп выглянул из окна.

– За нами.

– А стартовали позже. То есть теперь они впереди на десять минут.

– Выходит, так. Стой! Точка справа на дереве!

Гид затормозил. Шуруп быстро достал фотоаппарат и два раза щелкнул затвором.

– Готово!

– Ну что ж, тогда надо отрываться. Пристегнись.

Шуруп пристегнулся и еще раз посмотрел из окна.

– Ты б видел, какой за нами хвост!

Внутреннее зеркало в Дефендере отсутствовало, а наружные были сложены перед стартом, чтобы не обломать их об деревья, поэтому хвоста Гид не видел, да ему и нельзя было отвлекаться от узкой дороги. В глубоких лужах Деф на больших колесах, с удлиненными пружинами в подвеске, раскачивался, как парусник в шторм, и при ошибке пилота мог легко завалиться набок. Гид гнал на всю катушку.

В грузовом отсеке что-то гремело, мотор устрашающе рычал, турбина протяжно выла, низкие ветки нещадно лупили по стеклу, оставляя на нем хлопья тяжелого мокрого снега, с которым едва справлялись маленькие дворники. Иногда приходилось проезжать добрый десяток метров вслепую по памяти. Такого восторга за рулем Гид еще никогда не испытывал. Шуруп внимательно следил за навигатором, включал-выключал дворники, протирал стекло, если оно начинало запотевать, и с опаской поглядывал на дорогу.

– Через двести метров развилка, налево, вторая точка, – объявил он.

– Понял, – ответил Гид.

– Сто пятьдесят. Сто метров. Шестьдесят. Сорок. Развилка.

Дефендер немного занесло на повороте.

– Медленнее. Стоп. Справа на камне.

– Вижу.

Щелкнул фотоаппарат.

– Поехали!

Через пару километров Гид едва успел затормозить перед нависавшим над дорогой деревом. Еще немного, и оно бы снесло люстру на крыше.

– Кого-нибудь видишь?

– Нет, все отстали.

Шуруп забрался на капот и пытался приподнять наклонившийся ствол.

– Никак!

– Складывай люстру!

Пока штурман раскручивал талрепы, Гид повернул к себе навигатор. До финиша оставалось семь километров. Но это – по прямой. А по петляющей дороге могло быть десять, а то и пятнадцать. Когда удерживающие люстру тросики были сняты и четыре прожектора завалились назад, подъехал Самурай.

Дорога пошла узкая, и Гид сбавил темп, опасаясь зацепить какое-нибудь дерево. Невысокий Самурай спокойно проехал под препятствием и теперь висел у них на хвосте.

По легенде, дальше до финиша шла накатанная лесная дорога. Из препятствий оставался только еще один брод. Они выехали на большую поляну, с которой в разные стороны уходили пять дорог. Легенда была составлена всего неделю назад, но тогда не было снега, а теперь понять, какая из дорог – накатанная, какая – нет, а какая – просто просвет в лесу, было трудно. Быстро посоветовавшись, они поехали по второй попавшейся. Шуруп обернулся и сообщил, что Самурай едет за ними.

Они подъехали к речке. Она была мельче, чем первая, но с такими же крутыми берегами. Шуруп и штурман Самурая одновременно побежали искать брод. Соперник быстро вернулся и уже показывал дорогу своему пилоту, а Шурупа все не было. Гид взял ручную рацию, но, увидев, что штурман оставил свою на сиденье, в сердцах стукнул кулаком по рулю. Через минуту он заметил в реке Шурупа, машущего ему рукой, но совсем не там, где проехал Самурай. Гид поехал вниз.

– Мы бы там не пролезли между деревьями. А здесь нормально, только выезд крутой, придется на лебедке, – сообщил Шуруп.

Гид благополучно съехал в воду и уперся бампером в берег. Пока Шуруп разматывал трос, он заметил уезжающий Самурай, а медленно карабкаясь на берег, – и пробирающуюся тем же путем Тойоту.

Наконец подъем был взят, Шуруп быстро намотал трос на рога, и они выехали на дорогу. Тойота стояла, расклинившись между двумя березами, и пилот, высунувшись в окно и активно жестикулируя, в красках описывал своему штурману, что и как он бы с ним сделал, если бы мог открыть дверь. Штурман безуспешно пытался завести бензопилу и с тоской поглядывал на проезжающий мимо Дефендер.

Догнать Самурай им не удалось, но тот стартовал на полчаса раньше. В результате гонку, а вместе с ней и соревнования Гид с Шурупом выиграла. Тойота оказалась второй, Самурай – третьим.

– Я думаю, Деф заслужил бутылку самого дорогого дизельного масла, – сказал Шуруп, когда они уже были на шоссе.

– Только сильно не напивайтесь, – ответил Гид и достал телефон.

Трубку сняли после первого гудка.

– Але, папа?

– Мы победили! – выпалил Гид.

В трубке зазвенело такое «Ура-а-а!», что он невольно вильнул.

Принцесса

Городскую квартиру Гид оставил Татьяне и Алисе. Разводились они спокойно, без сцен и особых претензий. У обоих были симпатии на стороне. Оба эти чувства в себе душили, боясь ранить друг друга и стараясь сберечь семью ради дочери. При этом каждый из них был так занят внутренней борьбой, что не замечал того, что с другим происходит то же самое. Развязала этот гордиев узел, как ни странно, Алиса.

В выходной день они собирались втроем в цирк. Дочка капризничала, Татьяна злилась, Гид пока еще держался, короче, все шло накатанным путем к слезам, обидам, с последующим разбором полетов и выяснением, кто же первый перешел всякую границу и перестал влезать в никакие рамки. Неожиданно Алиса заявила, что в цирк хочет пойти с папой вдвоем, потому что тогда папа с ней говорит нормально, а не как с ребенком, и даже подает пальто, как маме, а вечером бы хотела посидеть дома и поболтать с мамой, потому что с мамой болтать интересней, потому что разные женские секреты, а папа болтать вообще не умеет.

Для обоих было очевидно, что Алиса остается с матерью, а по выходным будет встречаться с отцом. Но часто получалось наоборот. Гид поселился на базе «Утесово», принадлежащей Семенычу, его старому знакомому. В выходные дни он обычно работал. Зато на неделе Гиду было несложно забрать Алису после школы или отправить за ней Шурупа, а если у него были какие-то дела вечером, за ней могла присмотреть Забава.

– Тетя Забава-а-а!

– Привет, принцесса!

– Пап, тормози, тормози быстрее! – Алиса, казалось, готова была выпрыгнуть на ходу.

– Сколько ты покорила рыцарей?

– Ой, я их не считала. – Забава высокомерно взмахнула рукой.

– А они взяли тебя на дуэль?

– Конечно, только я не люблю кровь.

– Ты не пошла на дуэль?! – Алиса не могла в это поверить. – Я бы точно пошла, только если как мушкетеры, шпагами. А если как Пушкин, из смешного пистолета, я бы тоже не пошла, а то еще попадут в глаз, что мама скажет! А принц к тебе приезжал?

– Нет, принц позвонил и сказал, что собирается на охоту.

– Принц?! Позвонил?! – изумилась Алиса.

– Да, а что в этом такого?

– Но ведь принцы не звонят по телефонам! Они примчались на коне!

– Да нет, – сказала Забава, – они давно уже не примчались, а только звонят, и то не всегда.

– Тетя Забава! А ты уверена, что это был принц? Может, он говорит, что принц, а сам не принц?

– А вот он вернется с охоты – мы с тобой и узнаем, принц он или не принц, – ответила Забава.

– А он на кого на охоту поехал? На драконов? – спросила Алиса.

– Да. Они в лесу завелись, только не в нашем, а в соседнем.

– Ему надо было дядю Шурупа с собой взять, он бы ему быстро всех драконов нашел.

– Почему ты так считаешь? – удивилась Забава.

– Я их не считаю, я их боюсь!

– Я хотела спросить, почему ты так думаешь.

– А! Так он и зайца видел, и кабана, и лисицу, и еще кого-то. А дракон, знаешь, какой большой? Он как целый дом! Его дядя Шуруп сразу увидит.

– Да, надо будет сказать ему.

– Тетя Забава! А я – точно принцесса?

- Ну конечно!
- Но папа сказал, что он – никакой не король!
- Он так говорит, потому что это – самая тайная тайна!
- Но у него же нет короны!
- Корона – не главное. Король – это тот, кем никто не командует. Просто королевство у него небольшое.

Гиду удалось оформить найденный им недалеко от базы старый финский хутор, от которого остался только каменный фундамент. В этом ему сильно помог тот же Семеныч, имевший связи просто везде. Уже через год Гид жил в большой деревянной избе, которую с любовью называл теремом. Слово «коттедж» ему почему-то не нравилось.

Бывало, по утрам он отвозил Алису в школу на Л-200, недорогом полноприводном пикапе. Сразу из салона машина отправилась в автомастерскую на ряд хирургических операций, повышающих проходимость и живучесть японского грузовичка на российских просторах. Пожилой слесарь два дня складывал, подгонял, промерял и снова разбирал детали, входящие в комплект шноркеля, через который должен был дышать дизель в глубоком бросе. У него просто рука не подымалась резать болгаркой капот машины с пробегом в пятнадцать километров. После установки шноркеля, лебедки и всевозможных защит из пикапа получилась неплохая универсальная «рабочая лошадка», способная и прилично ехать по шоссе, и не бояться бездорожья.

Алису свойства машины не интересовали, пока однажды кто-то из одноклассников не заявил, что пикап – машина для прораба. Так сказал его отец. Кто такой прораб, никто в классе не знал, но решили, что это такой араб, только совсем плохой. Алиса тогда пожалела, что она – не мальчишка, так ей хотелось дать ему кулаком в глаз. Она сделала вид, что ее все это абсолютно не волнует, но на самом деле расстроилась.

Как-то раз пикап был неисправен, и они поехали в школу на боевом Дефендере. Возле школы было довольно людно, и все вокруг смотрели только на них и на это чудо техники, рядом с которым шикарные сверкающие Мерседесы и злобные стремительные БМВ выглядели как полевые ромашки рядом с репейником.

– А я-то думал, что это у меня джип! – грустно произнес веселый водитель могучего Хаммера, изобразив на лице полную растерянность и подмигнув из открытого окна Алисе.

Алиса была в восторге. Ее авторитет в классе взлетел на невиданную высоту. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что произошло как-то зимой.

Гид проснулся, выглянул в окно и понял, что будильник надо было ставить на час, а то и на два раньше. Ночью выпал снег. Нет, ночью все завалило снегом. Он тут же разбудил Алису, впихнул в нее два бутерброда, и через пятнадцать минут они уже катили на Дефендере по шоссе, лавируя между застрявшими машинами.

Отстояв положенное на виадуке, они въехали в город. Город буксовал. Пешеходы с трудом передвигались где – по узким тропинкам, а где – прямо по проезжей части. Самые отважные шли по колено в снегу, прокладывая новые дороги. Гиду с трудом удалось пробиться к Сосновке. Все прилегающие улицы были забиты машинами, а в парке, тянущемся на несколько километров, не было ни души. Дефендер легко заскочил на поребрик и выехал на аллею. Какой-то джип тут же сунулся за ним, но, проехав несколько метров, застрял.

Деф мягко катился по свежему пушистому снегу. Алиса с интересом смотрела в окно. Вот кто-то пытается откопать машину ботинками. Кто-то яростно буксует, поднимая колесами белые фонтаны. А вот кто-то спокойно сидит, откинув спинку сиденья, и смотрит телевизор. Ближе к школе начали встречаться продирающиеся по рыхлому снегу ребята. Вдруг Алиса увидела свою подругу с отцом.

– Пап, пап, мы должны ее взять, а то она замерзнет, – тараторила Алиса и махала из окна рукой.

– Если должны, то возьмем.

Гид коротко нажал кнопку гудка. Надо сказать, что гудок не был рассчитан на обычное использование. Его задачей было, перекричав рев мотора и грохот подвески, привлечь внимание пилота идущей впереди машины, на голове которого был шлем с наушниками внутренней связи. Понятно, что подруга тут же посмотрела на них, поскольку то же самое сделали все в пределах видимости.

Девочки легко поместились на штурманском сиденье вдвоем. Отец подруги скептически оглядел аскетичную кабину, но был очень доволен, что сможет вернуться в брошенную во втором ряду машину. Когда до школы оставалось метров триста, на штурманском сиденье и на коробе между сиденьями сидели три девчонки, а в грузовом отсеке, на прикрепленном к полу и прикрытом курткой запасном колесе – четверо мальчишек.

Гид ехал очень медленно, чтобы никто не стукнулся о какую-нибудь железяку. Он подъехал к выезду из парка и остановился. Парк с этой стороны был обнесен оградой. Там, где проходила аллея, в ограде был оставлен проезд, посередине которого из земли торчал крепкий стальной столбик. Объехать его было невозможно, но вариант отправить ребят пешком Гид не рассматривал.

Заметив неподалеку невысокий жилой дом, Гид развернулся. Вдоль дома шел проезд, но он оказался отгорожен от парка лежащей на боку длинной бетонной сваей. В лоб ее было не взять – Дефендер просто уперся бы бампером. Гид подъехал наискосок, вывернул руль вправо и дал команду, чтобы все крепко держались.

Правое переднее колесо уперлось в препятствие, высота которого была больше половины высоты самого колеса. Гид включил все блокировки, пониженную, и тронулся совсем медленно. Три стоящих на земле колеса чуть провернулись, но, срезав снег, уцепились за землю, и четвертое колесо поползло вверх по вертикальной стенке. Когда оно забралось на сваю, машина сильно накренилась. В окнах правой стороны было видно только серое небо, а в окнах левой – только снег. Ребята дружно заверещали. Гид шикнул на них и сказал, что машина ни за что не опрокинется, если они не будут кричать.

Левое переднее колесо поднялось наверх, когда правое уже пошло вниз. Дальше было самое трудное. Дефендер лег правым порогом на сваю. Попробуй он просто двинуться вперед, левое переднее колесо тоже съехало бы вниз, и машина повисла бы на брюхе. Но Гид вывернул руль влево до упора и тронулся. Деф отчаянно скреб порогом и прополз почти метр вдоль сваи прежде, чем правое заднее колесо зацепилось и пошло наверх. Дальше было уже проще.

Преодолев препятствие, Гид вытер пот со лба и повернул голову. Как на него смотрели ребята, а, самое главное, как на него смотрела Алиса...

– Пап, а кто такая Бракеровка Переднего Дифицала? – спросила Алиса, когда они ехали домой.

Ну, влип! Как рассказать шестилетней девочке про машину то, чего не знает добрая половина водителей?

– Помнишь сказку про орла и ласточку? – начал Гид издалека.

– Какую?

– А в которой орел догонял ласточку, но та долетела до круглой трубы старой фабрики?

– Теперь помню, а что дальше было?

– Дальше ласточка стала кружить вокруг трубы, а орел никак не мог ее догнать.

– Почему? – удивилась Алиса.

– Потому что у него были большие крылья и он летел по большому кругу, а ласточка летела у самой трубы, и хоть она была не такая быстрая, как орел, оборот вокруг трубы они делали одновременно.

– Пап, я с тобой хотела поговорить как мужчина с мужчиной, а не чтобы ты сказки рассказывал. – В голосе Алисы появилась обида.

– Ну хорошо. Помнишь, мы в Лапландии катались на собаках?

– Помню. На санках. А собаки скулили и кусали сами себя за ноги.

– Теперь представь: колеса – это собаки. Две впереди, две сзади.

– Собаки такую машину не уташат, – возразила Алиса.

– Конечно. Но пусть это будут не простые собаки, а...

– Лошади! Ты говорил, что в машине живут сильные лошади. Целых сто! И никогда их не показывал.

– Нет, лошадей по-другому запрягают. Пусть это все-таки будут большие сильные собаки.

– Баскервили! – Алиса оживилась.

– Кто? – не сразу понял Гид. – Да. Баскервили.

– Круто!

– Собаки привязаны друг к другу ремнем. И в середине привязан другой ремень, который идет к саням.

– К машине!

– Хорошо, к машине. – Гид почувствовал, что уже сам начинает терять нить рассказа.

– А бракерровка? – нетерпеливо спросила Алиса.

– Сейчас расскажу, – сказал Гид. – Когда сани едут прямо, все просто, но когда они должны повернуть, одна собака оказывается на месте ласточки, а другая – на месте орла.

– Собаки не летают. Даже Баскервили.

– Нет, не летают, – согласился Гид. – Но когда машина поворачивает, одно ее колесо должно крутиться быстрее другого. Этим дифференциал и занимается. Он заставляет колеса крутиться, но разрешает каждому это делать по-своему.

– А где он в машине? Там, где мотор?

– Нет, – ответил Гид. – Видишь, впереди грузовик?

– Где? Не вижу. – Алиса крутила головой.

– Да прямо перед нами.

– Откуда ты знаешь, что это грузовик? – удивилась она.

– Я так думаю. Видишь, там внизу, от колеса к колесу идет такая железная штука? А в середине такой шар?

– Вижу. Это чтобы колеса не отвалились, а то их потом не найти.

– Так вот, внутри этого шара и сидит дифференциал. Понятно?

– Да. Это так танк в кино поворачивал. У него одна гусеница крутилась, а другой не было!

– Тогда слушай дальше. Все это хорошо на шоссе. Но когда колеса попадают на лед, одно колесо может стоять не шевелясь, а другое крутиться изо всех сил, а машина – ни с места.

– И что тогда делать?

– Тогда нужно звать блокировку. Она выключает дифференциал, и колеса начинают дружно крутиться с одинаковой скоростью, и машина выбирается.

Алиса молчала.

– Наверное, непонятно? – спросил Гид.

– Все понятно! Мы вчера после школы, там Витька одной ногой по снегу, а другой – на лед, и ка-а-ак грохнется, а из портфеля вылетели кроссовки, их все в сугробе искали, а они дальше улетели, и одна прямо под машину и не достать, а Витька нашел палку, а она короткая, а он тогда вторую кроссовку кинул, чтобы обе вылетели, а они обе не вылетели, так он сам под

машину залез, а потом кричит: «Ташите меня за ноги!», а когда мы его вытащили, так у него спина вся грязная, а все потому, что он отвязанный и никакой у него бракеровки нету.

Футбол

В прихожей звонил телефон, но Стив этого не слышал. Его взгляд был прикован к экрану. По спортивному каналу шел матч чемпионата Англии по футболу. В Ливерпуле местный «Эвертон» принимал лондонский «Арсенал».

Идея организовать футбольный тотализатор родилась, когда они еще учились в колледже. Написав предполагаемые результаты предстоящих матчей Премьер-лиги, Стив и несколько его одноклассников отдавали сложенные пополам листки Патрику, а когда матчи были сыграны, тот по несложной схеме подсчитывал достоверность каждого прогноза и определял наилучшего и наихудшего предсказателя. Проигравший покупал приз: клубную футболку, билет на матч или что-то подобное. Они собирались в каком-нибудь недорогом заведении, где, поглощая пиво, проводили церемонию награждения победителя. Ну а кульминацией вечера всегда было обнародование наихудшего прогноза.

Со стороны это выглядело довольно странно. «Лидс» – «Манчестер Юнайтед» – 4:2! И десяток вполне нормальных на вид молодых людей начинали хохотать, как будто ничего более смешного они в жизни не слышали.

А через несколько лет Патрик придумал новые правила. Его отец работал в «Лайт Флайтс» и занимался студенческими программами. Эта сравнительно новая авиакомпания своим стремительным развитием подняла настоящий переполох в стане давно поделивших мир и разленившихся авиационных монстров. Низкие цены и быстрая упрощенная регистрация привлекали пассажиров. Небольшим легким самолетам не требовались длинные массивные и баснословно дорогие взлетные полосы международных аэропортов. И муниципальные власти провинциальных городов, с их скромными бюджетами, охотно шли на сотрудничество с «Лайт Флайтс». Одновременно развивалась и сеть дальних перелетов. Паутина воздушных сообщений авиаконпании связывала все новые и новые города мира, и естественно, загрузка недавно открытых рейсов не была полной, да и на многих старых маршрутах в салонах самолетов регулярно оставались свободные кресла.

Маркетологи утверждали, что в выборе авиакомпании для полета в другой город на десятикилометровой высоте очень большую роль играет почти суеверный страх перед этим краткосрочным вознесением. Опросы показывали, что летать боится чуть ли не половина пассажиров, половина оставшихся тоже боится, но еще и боится в этом признаться, а остальные боятся так, что вообще отказываются говорить об этом, а уж тем более участвовать в каких-то опросах.

После благополучного возвращения на грешную землю пассажиры звонят и шлют сообщения родным, извещая их, что они, несмотря ни на что, живы, при этом никому из них и в голову не придет сделать то же самое, посетив супермаркет в первый день распродажи или пообедав в дешевом «фастфуде». И люди зачастую готовы платить за билет втридорога только ради того, чтобы лететь рейсом знакомой с юности авиакомпании. При этом их не смущает, что рейс выполняет самолет совсем другой компании, продающей те же самые билеты гораздо дешевле.

«Превращать два минуса в плюс», – гласил основной принцип, проповедуемый руководством «Лайт Флайтс». И на очередном заседании совет директоров корпорации решил открыть масштабную программу по привлечению потенциальных клиентов среди студентов, используя недогруженные рейсы авиакомпании. Они вообще любили точные, длинные и непонятные формулировки, хотя могли бы сказать просто: раздаем студентам лишние билеты.

А лишние билеты, кроме местных коротких перелетов, оставались еще на рейсы на юг, на восток и в разную там Латинскую Америку. Ну и, как водится, разработчики программы придумали массу условий и ограничений, разобраться в которых не смог бы никто, кроме Пат-

рика. На самом деле Патрик тоже не смог, а смог его отец, да и то только потому, что в этом и состояла его работа.

В результате, слетав несколько раз на континент, Патрик получил право на бесплатный полет для любого из своих друзей-студентов. Тогда у него и появилась идея соединить открывшиеся возможности с тотализатором. Когда в университетах прошли следующие каникулы, такое право получили уже трое его приятелей, и схема заработала.

Условия были простые: проигравший летит бесплатным рейсом, проводит в пункте назначения не менее суток и привозит победителю футбольный или просто какой-нибудь необычный сувенир. При этом путешественнику было запрещено ночевать в гостиницах и он был обязан снимать все происходящее фотоаппаратом или видеокамерой. Рейс каждый раз выбирался очередной по списку авиаперелетов, включенных в программу.

Начавший было угасать интерес к тотализатору снова разгорелся, собирались они теперь в пабе «Тутара-Бар», что на западной окраине Сент-Олбанса. Сразу после награждения бармен разворачивал небольшой экран и следовал рассказ проигравшего о его приключениях, сопровождаемый слайд-шоу или видеofilmом. Сыпались вопросы, шутки, комментарии, завсегда-таки паба с интересом участвовали в этом действе.

Хозяин заведения специально для них приобрел подержанный, но вполне приличный видеопроектор и сам с удовольствием слушал рассказы об авантюрах безбашенных мальчишек и, бывало, проставлял всей компании пиво. Вполне естественно, что каждый хотел сделать свое выступление интересным, и постепенно само приключение, а не сувенир, стало основной целью путешественников. Ну а в приключении самым крутым считалось переночевать у какой-нибудь местной красотки.

Понимая, что лондонский «Арсенал» потенциально сильнее, Стив смотрел трансляцию затаив дыхание. В первом тайме у гостей игра не клеилась, игроки теряли мяч в средней зоне, нападающие картинно взмахивали руками, в то время как «Эвертон» играл слаженно и четко, и счет 1:0 в пользу хозяев был вполне закономерен. Стив понимал, что радоваться пока рано, но был очень доволен происходящим на поле.

Во второй половине матча тренер «Арсенала» выпустил на поле нового полузащитника Эндрю Варшавина. Вскоре Варшавин получил длинный пас на ход и помчался почти по самой боковой линии. Двух игроков, пытавшихся в подкате выбить мяч в аут, он просто перепрыгнул, подбросив перед этим мяч. Дальше путь к воротам ему преградил опытный защитник «Эвертона», но, сделав два быстрых обманных движения, этот русский заставил защитника шагнуть в сторону, а сам пробежал дальше.

В следующее мгновение Варшавин нанес несильный резаный удар внешней стороной стопы. Казалось, он целит прямо во вратаря, но траектория вращающегося волчком мяча все сильнее уходила вправо, и вратарь, понемногу переступая вбок, упустил время. Пытаясь спасти ворота, он совершил отчаянный прыжок, но так и не смог дотянуться до мяча, упавшего на траву точно в правом углу ворот. Счет пока вписывался в прогноз Стива, но настроение испортилось.

Через пятнадцать минут «Арсенал» получил право на угловой. Возле ворот шла обычная толкотня. Варшавин спокойно стоял за пределами штрафной зоны дальше всех от подающего. В момент подачи он вдруг рванул еще дальше, а мяч, перелетев через головы подпрыгнувших футболистов обеих команд, опустился прямо ему на ногу. Бить не имело смысла – слишком много игроков было перед воротами, и русский несильно послал мяч вперед. Стив, да, скорее всего, и те, кто был на поле, были уверены, что мяч уходит в аут и последует удар от ворот.

Несколько игроков уже побежали к центру поля. Варшавин в отчаянном прыжке дотянулся носком ноги до мяча уже у самой линии и ударил вбок и немного вниз. Казалось, что с такой позиции забить невозможно, да и вратарь успел сместиться к ближней штанге, но мяч

отскочил от травы точно посередине между бутсами голкипера, ударился в дальнюю штангу и оказался в воротах. Стив почувствовал неладное.

Пока он доставал из холодильника вторую бутылку пива, счет стал уже 1:3. Гол забил кто-то из нападающих «Арсенала», но на повторе было видно, что мяч и так летел в ворота, и снова после удара русского полузащитника. После этого игроки «Эвертона» немного пришли в себя, и игра выровнялась. «Арсенал» ушел в оборону, было несколько острых моментов у обоих ворот, но результат не изменился.

Голы показали еще несколько раз. На последнем кадре картинка почему-то остановилась. Эндрю Варшавин смотрел прямо в камеру, высунув язык. Стиву показалось, что русский, хитро улыбаясь одними глазами, показывает язык лично ему. Да откуда он только взялся? Стив напряг память, всплыли отдельные эпизоды игры сборной России и какого-то русского клуба с необычным названием.

Сегодня был разгромлен не только его любимый «Эвертон», но и лично он. Почти ни один из его прогнозов в этом туре не сбился не только по счету, но даже по победителю. Этот матч был последним шансом. Стив еще раз посмотрел на лежащий на журнальном столике листок. Нет, чуда не произошло, в графе «Счет» по-прежнему красовалось 3:1. Напиши он тот же счет, только наоборот, или хотя бы скромный среднестатистический 1:2, тогда был бы еще шанс не оказаться последним.

Нет, надо было выпендриться. И дело было не в настоящем индейском духовом ружье, нахально названном на досмотре музыкальным инструментом, которое в прошлый раз получил победитель. И уж точно не в том, что он не любил путешествовать, совсем даже наоборот. Просто ему перестало везти, и он уже скоро год как не выигрывал, а теперь и вовсе остался в дураках.

В прихожей продолжал звонить телефон. Пока Стив искал его, обшаривая карманы висящей одежды, прозвучало звонков восемь.

– Лорд Блекфилд на линии, – ответил Стив, возвращаясь в комнату, но заметил, что остроумный, как ему казалось, ответ прозвучал в этот раз не очень убедительно.

– С фами каварит Эндрю Варшавин, – торжественно произнес явно искаженный хриплый голос. Стив резко обернулся и встретился глазами с русским футболистом, продолжающим показывать язык с экрана. Ему почему-то стало не по себе.

– Как Варшавин?

– Лорд Стив Блекфилд, будете в Санкт-Петербурге, заходите ко мне в гости пить чай... с водкой... и квасом... – Голос сорвался, говоривший не выдержал и расхохотался. По заразителному смеху Стив узнал Патрика.

– Пат, у тебя шутки дурацкие.

– Может, хотя мне показалось, что ты поверил. Ладно, слушай! Во-первых, твой прогноз – самый кривой, а во-вторых, знаешь, куда ты летишь?

– Ну?

– В Россию, в Санкт-Петербург!

– Врешь!

– Заходи, сам посмотришь расписание. А как он второй гол забил! Фантастика!

Стив снова посмотрел на телевизор. Трансляция закончилась несколько минут назад, но в эфире стояла гробовая тишина, а взгляд с экрана все так же был нацелен на него. Вдруг Варшавин прищурился, изображение дернулось и свернулось, затем с середины фразы пошли новости. Стив заметил, что на ОУО-рекордере погас индикатор. Теперь он вспомнил, что вчера сам запрограммировал рекордер на запись матча. Время вышло, запись остановилась, и рекордер, обрабатывая файл, пару минут продолжал удерживать последний кадр.

– Аллю, Стив! Лорд!

– Да.

- Ты куда пропал? Да ты что, действительно расстроился?
- Нет, все нормально.
- Хочешь, поменяемся? Я слышал, в Петербурге самые красивые девчонки в мире!
- Нет, я еду, – твердо ответил Стив.

Он подошел к книжному шкафу, пробежал взглядом по корешкам, но не нашел ничего, имеющего отношение к России. Затем снова взял телефон и сел в кресло.

- Эмма, салют! Это Стив.
- Привет, Стиви. Как дела?
- Отлично, и у тебя тоже отлично. Спасибо-спасибо. Слушай, у меня к тебе дело.
- Ну вот, я-то надеялась, что чувства... Шучу. Что случилось?
- Извини за такой вопрос. Твой дед, он ведь – русский, да?
- Ну?
- А я могу с ним поговорить?
- О чем? О России, что ли?
- Именно.
- Стив, он мне-то никогда ничего не рассказывал. А тебя, скорее всего, и не помнит.
- Давай попробуем.
- Ну, хорошо. Почему бы и нет? Вдруг согласится. Мне и самой жуть как интересно было бы. Он сейчас с нами живет. Ты подожди, я отнесу ему телефон.
- Ждать пришлось довольно долго.
- Я вас слушаю, сударь, – неожиданно проскрипел старческий голос.
- Мистер Волошин? Здравствуйте. Это Стив Блекфилд...
- Да. Эмма сказала. Давайте к делу, – перебил его Волошин.
- Хорошо. Мистер Волошин, я собираюсь ехать в Россию, в Санкт-Петербург. Мне очень хотелось бы, чтобы вы...
- Вам не следует ехать в Россию. – По тону старика было понятно, что он не намерен это обсуждать.
- Но так получилось, что я должен.
- Всего доброго, сударь.
- Господин Волошин, но почему?

Стив слышал тяжелое дыхание и непонятные слова, адресованные явно не ему. Раздался негромкий щелчок, как будто закрылась какая-то дверь. Затем очень тихо, но отчетливо старик произнес:

- Это – страна, из которой не возвращаются.

Последовали короткие гудки, но Стив продолжал держать телефон. Ему захотелось выпить чего-нибудь покрепче пива. Он нашел в баре бутылку шотландского виски и налил в пузатый стакан.

Волошин был личностью легендарной. О нем рассказывали самые невероятные истории, которые невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть. Друзей у него не осталось, желания общаться с соседями он никогда не проявлял, а после одной истории соседи и сами предпочитали держаться от него подальше.

Лет десять назад волонтер из какой-то благотворительной организации, собирая средства на приют для бездомных хомячков и одиноких морских свинок, несколько раз нажал кнопку звонка на ограде очередного коттеджа и, не дождавшись ответа, открыл оказавшуюся незапертой калитку. Подойдя к дому, он в нерешительности остановился, и в этот момент в нескольких сантиметрах от его головы просвистела и вонзилась в деревянную дверь короткая стрела

с необычным оперением. Сразу за этим тихий мужской голос с сильным акцентом приказал ему лечь на землю и развести руки в стороны.

В этой позе он пролежал несколько часов, пока не вернулась из начальной школы Эмма. Дед сидел на скамейке со своей обычной тростью в руках. Он попросил внучку позвонить какому-то агенту и продиктовал номер. Эмме ответили, что названный агент уже лет пять как на пенсии, спросили о причине ее звонка и пообещали приехать через двадцать пять минут.

Но не прошло и четверти часа, как на улице завывла сирена. Полицию вызвал сосед, увидев на дорожке человека, лежащего в позе морской звезды. Прибывшие полицейские тут же зашелкнули наручники на запястьях перепуганного волонтера и посадили его в машину. Затем, рассмотрев торчащую из двери стрелу, они предложили Волошину проехать с ними в полицейский участок. Старик попросил их подождать, пока он оденется, и заперся в доме. А минут через десять полицейскую машину заблокировали два черных Рэндж-Ровера.

Эмма решила, что в них приехали настоящие «люди в черном». Они лаконично поблагодарили полицейских, забрали у них задержанного волонтера и довольно долго разговаривали с Волошиным. Эмме было ужасно любопытно, но ее попытка подслушать разговор бесславно провалилась. Уходя, люди в черном подарили ей ручку-фонарик и сказали, что с таким дедом она может ничего на свете не бояться. Потом Эмма целый месяц донимала деда вопросом, как он пустил ту стрелу, но он делал вид, что не понимает, о чем идет речь. И только через несколько лет, когда его зрение ослабло, он научил внучку стрелять из замаскированного под трость духового ружья.

Фраза

Из окутанного мраком прошлого Волошина было известно, что родился и вырос он на севере России, в Архангельске. Эмма говорила, что он познакомился с ее бабушкой в конце Второй мировой войны в Словакии. Затем, уже в мирное время, после нескольких попыток встретиться с ней, оказался в лагере на Соловках. Стал диссидентом, а потом ему удалось бежать из Советского Союза, и он, опасаясь преследования КГБ, долгое время скрывался в Западной Африке. Дед обладал энциклопедическими знаниями, владел почти всеми известными профессиями и рисовал с фотографической точностью. При этом он постоянно давал окружающим советы и критиковал их способности, особенно умственные. Единственный человек, который мог рассчитывать на поблажку, была Эмма. Но иногда доставалось и ей.

Стив вспомнил, как еще в колледже кто-то принес диск с «Заводным апельсином» Стэнли Кубрика, как таинственным шепотом ему сообщили, что этот английский фильм, снятый по английской книге, прогремел по всему миру, но в Англии был запрещен. Такой рекламы было достаточно, чтобы за неделю фильм посмотрели все, после чего в оборот пошел роман.

А через две недели malltshiki уже всю вставляли в свою речь необычные русские слова. Преподаватели забили тревогу, но садистские наклонности и прочие достоинства Алекса, главного героя книги, ни у кого не стали предметом подражания. Зато филологическое увлечение продлилось довольно долго, и, исчерпав лексикон «Апельсина», ребята начали отыскивать в словарях другие фонетические шедевры и с удовольствием обучать им друг друга. Юзат, то есть девчонкам, ни роман, ни фильм категорически не нравился, но и они могли выдать что-нибудь типа «всплеск» или «шоссе», произнести которые можно было только после многочасовой тренировки. А лидером популярности долгое время был такой перл, как «достопримечательность».

Эмму хватило на первые двадцать страниц романа, но она единственная в колледже говорила по-русски и быстро стала верховным арбитром в бесконечных спорах на тему «нет-такого-слова».

Понятно, что всевозможная химическая абракадабра, вроде амидопропиленгликольхлорида, не котировалась ввиду исключительно узкоспециального применения, а бесконечные пра-пра-пра-внучки-бабушки считались не более чем курьезом.

- Дед, скажи какое-нибудь русское длинное слово, – как-то попросила Эмма.
- Гниль, – сразу ответил старик.
- Это, по-твоему, длинное? Пять букв.
- Ты же не просила слово с большим количеством букв, ты сказала: «длинное».
- А какая разница?
- В слове «гниль» между первой и последней буквами поместился Нил. Правда, ты вряд ли знаешь, что это такое.
- Эмма начала злиться.
- Я знаю. Это большая река с крокодилами. В Африке. Ты ее переплыл, когда за тобой была погоня. Теперь можешь сказать слово с большим количеством букв?
- Сколько букв тебе нужно?
- Много. Все.
- Много или все? – бесстрастным тоном переспросил дед.
- В русском языке сколько?
- Было сорок три. Но коммунисты десять букв убили.
- Как убили? – удивилась Эмма. – А, понятно. Ты знаешь слово, в котором тридцать три буквы?

- Дай подумать.
- Долго?
- Гиппопотомонстрескиппедалофобия, – выдал старик.
- Дед, ну хватит! Нет такого слова.
- Не буду с тобой спорить.
- Ты знаешь нормальное слово?
- Я сказал, что не буду с тобой спорить. Слово такое есть, но оно тебе не нужно.
- И что же оно значит?
- Боязнь длинных слов. Можно считать заболеванием, а можно – психической аномалией. Тебе это не грозит, а вот мне становится плохо, когда ты пытаешься произнести что-нибудь длиннее слова «груша».
- Две груши. Баклажан. Чертополох, – выдала Эмма.
- Bravo! Беру свои слова обратно. – Дед картинно развел руками.
- Я тебе все равно не верю.
- Посмотри в энциклопедии.
- Посмотрю. А почему ты сказал, что мне это не нужно?
- Потому что умная женщина – это так же противоестественно, как женщина-штангист. Воля, сила и ум – мужские качества.
- А женщины, кстати, сейчас занимаются и штангой, и боксом, – возразила Эмма.
- Ну тогда им осталось взять в жены мужчину – художественного гимнаста и научить его рожать детей.
- Эмма прыснула со смеху. Дед посмотрел на нее и улыбнулся.
- Значит, по-твоему, умных женщин нет? – спросила Эмма.
- Конечно есть. Я даже одну видел по телевизору. Ее возили в бронированной машине. Как же ее звали... Мэгги... Мэгги Тэгчер!
- Дед, ты – динозавр!
- Назови великую изобретательницу, композиторшу и художницу, – предложил дед. – Даже слов таких нет.
- Это – искусство. Совсем другое дело, – ответила Эмма.
- Таких слов нет, потому что ими некого называть. Как нет ни балерины, ни кормилицы мужского рода. – Дед говорил уже мягче. – Вот скажи мне, почему чемпионка мира по шахматам едва ли войдет в сотню лучших шахматистов мира? – продолжал он.
- Тебя все равно не переспоришь. – Эмма вздохнула.
- Вот! – многозначительно произнес дед.
- А твоя жена, значит, была душой?
- Дура – это грубо. К тому же для женщин они были вовсе не глупые.
- Они – это жены? А сколько их у тебя было?
- В разное время по-разному. Когда три, а когда... да не буду же я их считать! Это неуважительно.
- У тебя что, было несколько сразу?
- Да, в разных странах. Мне приходилось много путешествовать. Возить с собой семью было невозможно. А однажды мне подарили гарем.
- На день рождения? – съязвила Эмма.
- Нет, – спокойно ответил старик. – После победы над фулани. Это такое племя.
- И ты согласился?
- Конечно, они были такие славные... – Дед улыбнулся. – Потом, от подарка вождя отказываться опасно. Меня бы подвергли принудительному ультравысокотемпературному водогрязелактопарафинолечению. Кстати, вот тебе еще пара слов-гигантов.
- Чему подвергли?

– Меня бы сварили в молоке с воском и десятком острых специй и съели бы на ужин.
– О боже, – ужаснулась Эмма, но любопытство оказалось сильнее. – А за что он сделал такой подарок?

– Я ему создал национальную валюту. Если проще, нарисовал казначейские векселя, деньги.

– Что значит нарисовал? Образцы?

– Оригиналы.

– Все? – Эмма представила объем работы и помотала головой.

– Да, за два года. Вождь на эти деньги купил оружие и выиграл войну.

– И за это – гарем? – спросила она, не очень понимая, много это или мало.

– Я его сам об этом попросил.

– Ты?!

– Вождь по случаю победы набрал новый гарем, а шаман уговаривал его принести в жертву старей. Хотя какой он старей, некоторым было... Впрочем, они и сами не знали, сколько им было.

– В жертву? Это что, убить? В двадцатом веке?

– Это здесь был двадцатый, а там – каменный, – ответил дед.

Эмма помолчала, свыкаясь с этой мыслью.

– Ну да, и потом, они же дикари, язычники, – рассуждала она. – Нет, все равно в голове не укладывается.

– А то, что за несколько лет до этого цивилизованные христиане принесли в жертву сотню миллионов человек, это укладывается? А потом еще начали готовиться к третьей мировой.

– Так у меня что, пол-Африки двоюродных братьев? – У Эммы округлились глаза.

– Стоп, дальше табу, – отрезал дед.

Эмма вздохнула.

– Дед, а бабушка знала про гарем?

– Да.

– И не развелась с тобой?

– Мы с ней не были женаты. Кстати, ты на нее похожа.

– Да-а? Говорят, она была красивая... – Эмма радостно улыбнулась.

– Я имел в виду, что ты – такая же болтливая.

– Дед, ну почему ты так всех ненавидишь?

Старик нахмурился.

– **Архангелогородская одиннадцатиклассница инкриминировала человеконенавистничество восьмидесятичетырехлетнему берегословокоствийскому фальшивомонетчику, страдающему благоприобретенной гиппопотомонстросескипедалофобией.**

Услышав это, Эмма забыла свои обиды.

– Дед, умоляю, можешь повторить? Только медленно.

Три дня в колледже все, включая преподавателей, переписывали друг у друга фразу, в которой на десять слов пришлось более двухсот букв. А произнести ее могла только Эмма, и то по бумажке и проглотив при этом десяток букв. Тем не менее ее об этом постоянно просили и слушали с таким вниманием, будто это был сам Достоевский.

– Дед, а почему ты назвал меня архангелогородской, и так далее? – спросила как-то Эмма. – Я же здесь родилась.

Дед ответил далеко не сразу.

– Я не знаю, как тебе это удалось, но ты, ни разу не побывав в России, выросла гораздо более русской, чем те, кто приезжает оттуда сейчас.

– Дед... – только и смогла вымолвить Эмма. Это была самая высокая похвала, которую она слышала от старика.

Стив сел за компьютер и набрал в поисковике «Russia». Ссылок было много, и он листал страницы сайтов, толком не зная, что ищет.

Его взгляд задержался на фразе: «Самое холодное обитаемое место на Земле – деревня Оймякон, Северо-Восточная Сибирь. Там была зарегистрирована температура минус семьдесят один градус по Цельсию». До него не сразу дошло значение слова «обитаемое». Стиву вдруг стало холодно, и он сделал большой глоток. «В России – девять часовых поясов». Стив перечитал последний абзац и подлил еще.

«Границы: Норвегия, Финляндия, Эстония, Беларусь, Латвия, Литва, Польша, Украина, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Китай, Монголия, Китай, Северная Корея». Стив глотнул еще. Как это, Норвегия и одновременно Корея? И почему Китай два раза? И что это за довесок между Польшей и Литвой? Еще одна Россия? Он сделал несколько движений мышкой. Так, Калининград... Там жил философ Кант. Он что – тоже русский? «Морская граница с США и Японией». Может, и с Англией граница есть? Так, дальше. «Национальная валюта – рубль. В одном рубле – сто копеек». Стив поймал себя на мысли, что не удивился бы, если бы в рубле была 71 копейка.

Интересно, а что за люди там? Ответы на этот вопрос были невероятно противоречивы, но Стив все же смог сделать два важных вывода: первый – что если ночевать в гостинице, то был шанс остаться в живых, и второй – что поиски приключений его этого шанса точно лишат. Шанс существенно возростал, если путешественник хоть немного говорил по-русски.

Отец Патрика помог Стиву решить вопрос с визой. Самолет вылетал в пятницу утром, обратный – в понедельник вечером.

Все свободное время до вылета Стив либо учил русский, либо шарил по Интернету. Закачав в телефон лингафонный курс русского языка и просмотрев десяток взятых у Эммы русских фильмов с английскими субтитрами, Стив быстро восстановил былые знания и вскоре начал понимать и даже составлять простейшие фразы по-русски.

Альтернативных вариантов ночлега найти он так и не смог, зато начал представлять себе образ жизни русских туземцев. Получалось, что они спали на камине, при помощи плетеной обуви ели капустный суп, ездили в санях, запряженных тремя белыми медведями, и стреляли друг в друга из автоматов Калашникова. А по вечерам те, кому удалось уцелеть, ходили в баню, где избивали друг друга ветками березы, соревновались в количестве выпитой водки и играли в шахматы. Компьютеры и Интернет в России отсутствовали, но были таинственные подземные города, в которых особая каста ракетчиков строила космические корабли и боевые межконтинентальные ракеты.

Стив обзвонил чуть ли не всех, кто был в памяти его телефона, но знакомых в России ни у кого не оказалось.

В университете он подошел к знакомому профессору и, ни на что не надеясь, попросил совета. Профессора ничуть не удивила причина, по которой Стив не мог воспользоваться гостиницей, он немного подумал и сказал:

– Попробуй найти какой-нибудь туристический клуб в Санкт-Петербурге, может, они тебя возьмут в поход, и ты переночуешь в палатке.

Стив даже расстроился, что такое простое решение не приходило ему в голову.

– А вы там были? – спросил Стив.

– Нет, – ответил профессор. – И это одна из немногих вещей, о которых я очень жалею.

Найдя в англо-русском словаре несколько ключевых слов, Стив, к своему удивлению, получил массу ссылок на русские сайты. Попытки перевести содержание обычно чаще всего приводили к хаотичному набору слов, и Стив блуждал по непонятным ссылкам в поисках

всего, что связано с туризмом. Его внимание привлекла фотография лесной поляны, на которой стояли несколько джипов на больших колесах, а из палатки высовывалась бородастая, грязная, но добродушная физиономия туземца. Наверное, какая-нибудь секта, скрывающаяся в лесах, решил Стив. В углу фотографии был адрес электронной почты.

Стив написал короткое письмо, пропустил его через программу-переводчик, набрался духа и отправил.

На следующее утро на другой планете, а на самом деле на другой окраине той же старушки Европы, человек, почему-то выбравший себе имя Гид, в третий раз перечитывал электронное послание от человека, именующего себя Горностаем.

«Получил очень забавное письмо. Не знаю, кто он такой и почему обратился ко мне. Если интересно, ответь сам.

Горностай».

Дальше шел следующий текст:

«Джентльмены.

На пятницу я имею хожу летать в Россия через Легкие Полеты полет Лондон – Санкт-Петербург. Я бы люблю брать часть любой поход через Русский лес на ноги или машина. Я готов за любой вид от спящий место но гостиница. Палатка лагерь бы быть лучший один. Пожалуйста послать твой состояния и цены.

С лучший награды, Стив Блекфилд

Сент-Олбанс

Хартфордшир

Англия».

Стив просидел в Интернете до глубокой ночи, а утром, подойдя к компьютеру, увидел в углу экрана небольшой почтовый конвертик. Стив открыл письмо. Ему пришел ответ из России, в котором на вполне приличном английском некий Гид предлагал ему тур либо на российском армейском внедорожнике, либо на плавающем вездеходе, с полным пансионом на базе «Утесово» недалеко от Санкт-Петербурга, ночлегом в русской избе и трансфером от аэропорта до базы на вертолете.

Стоимость тура показалась несколько высокой, но, когда он увидел фотографию вездехода, финансовый вопрос перестал его волновать. Из густой травы выглядывало приземистое чудовище из космического боевика на огромных лапах-колесах, в котором, словно в обычном кабриолете, сидела миловидная девушка, небрежно держась за руль одной рукой. В письме предлагалось заполнить заявку, и была еще просьба писать по-английски и не пользоваться компьютерными переводчиками.

Стив быстро заполнил поля заявки и подтвердил, что согласен с условиями и ценой. В какой-то момент он подумал, что это – хорошо замаскированная западня, уж больно быстро и гладко все получалось, но он прогнал эту мысль, отправил заявку по сети и решил распечатать копию.

Старенький струйный Epson привычно зажужжал, листок уже почти выполз наружу, но принтер вдруг остановился, тревожно моргая красным индикатором. На экране компьютера появилось сообщение «Paper jam». Стив открыл крышку принтера. Лист был абсолютно целым, без складок, он просто почему-то остановился на самом выходе. Заявка была напечатана полностью, только в нижнем углу, в графе «Длительность тура», чернила смазались.

Женя

– И последнее: берегите сцепление! – закончил Гид.

Заказ принимала Забава еще месяц назад. Два дня, пять УАЗов, плюс машина сопровождения, шестеро мужчин, четыре женщины. Тур заказала хозяйка модной дизайнерской студии. Для себя, друзей и ведущих сотрудников. Ближняя Карелия. Старт и финиш – в Приозерске. Накатанный беспроектный маршрут, и Гид никак не ожидал, что этот тур станет особенным.

К началу сезона он успел избавиться от армейских УАЗи-ков с глухими стеклами в дверях и устрашающей манерой, переезжая какую-нибудь закопанную трубу, подпрыгнуть передними колесами и самопроизвольно повернуть в сторону. Новые УАЗы, нареченные Хантерами, не сильно отличались внешне, но были уже не столь аскетичны и гораздо более покладисты; по крайней мере, отпала необходимость перед началом тура устраивать тренировку по обузданию Козликов. Мало того, за руль теперь даже садились женщины. Одним словом, если старый УАЗ едва тянул на сержанта, то Хантер был уже старшиной. Правда, Дефендер в этом войске был бы, как минимум, майором.

Первый час они неспешно катили по узкому шоссе, напоминающему своей формой штопор в сторону поселка Куркиеки. Подъем, поворот, спуск, поворот. Гид поглядывал в зеркало, пытаясь определить водительский уровень туристов. Все ехали ровно, никто не отставал, но и не вываливался на крутых поворотах на встречную. Возможности освоиться с машинами было достаточно, и когда колонна свернула на грунтовку, он попросил всех увеличить дистанцию и задал чуть более высокий темп.

На одном из поворотов проступило пятно скользкой глины. Гид посмотрел в зеркало. Идущая за ним машина отстала и теперь пыталась сократить дистанцию. Гид два раза несильно нажал на педаль тормоза, чтобы моргающими стоп-сигналами заставить водителя сбросить скорость, но этого не произошло. Дефендер прошел пятно не заметив, а Хантер немного занесло. Водитель, привыкнув к машинам с более острой, или, скорее, с менее тупой управляемостью, попытался парировать занос небольшим поворотом руля. Автомобиль, которому столь деликатной команды хватило только на то, чтобы выбрать люфты и зазоры в рулевом управлении, будто доложил:

– Старшина Хантер прибыл!

Водитель, не получив адекватного ответа на свои действия, вцепился руками в скользкий руль и повернул еще. Четырехколесный вояка, почти не меняя курса, накренился.

– Есть, повернуть! Разрешите выполнять?

Глядя на приближающийся кювет и неумело перехватывая руки, напуганный водитель крутанул баранку насколько смог.

– Ура-а-а! – заорал старшина, уперся в грунт крепкими накачанными колесами и рванулся в сторону.

Выкрутить руль обратно водитель уже не успел. Хантер развернуло, он влетел задними колесами в канаву, накренился и встал на два колеса.

– Задание выполнено! Жертв нет!

Побалансировав в стойке, старшина продемонстрировал отменную военную выправку, а затем со скрипом и грохотом опустил на все колеса.

Колонна остановилась, Гид сдал назад и подошел к накренившемуся Хантеру. За рулем сидела темноволосая женщина с крупными серьгами в ушах. Пальцы в тонких кожаных перчатках продолжали сжимать руль, она была явно напугана и раздосадована своей оплошностью. Нужно было приободрить ее, но прежде чем Гид начал говорить, с пассажирского места раздался знакомый спокойный, немного низкий и какой-то очень уютный женский голос:

– Лица, да не переживай ты так, это же джип-тур.

Яркие солнечные лучи, бьющие сквозь деревья, ослепили Гида, и он не видел лица говорившей. Он вспомнил, что во время предстартового брифинга одна девушка осталась сидеть в машине, и теперь понял почему. Он забыл, что хотел сказать, и невнятно произнес:

– Да, я... мы сейчас поможем. Это же джип-тур...

Шуруп прицепил динамический трос, и вскоре УАЗик снова был на дороге.

С грунтовок они свернули на заросшую мелкими деревцами лесную дорогу. Впереди их ждал неглубокий, но очень длинный брод. Дорога уходила в небольшую речку, шла несколько десятков метров по руслу и выходила на другой берег. Дно было твердым и достаточно ровным, можно было ехать довольно быстро, поднимая носом волну, которая иногда плескала на капот. Летели брызги, казалось, что воды – по стеклу, хотя на самом деле ее было едва по колеса, а вот удовольствия доставляла эта речка – по самую крышу.

После брода рация не смолкала. Туристы, соревнуясь в остроумии, возбужденно комментировали недавние события. Но ее голос в эфире ни разу не прозвучал. Гид уже начал сомневаться, не обознался ли он.

Дорога покружила по густому сосновому лесу и вышла к берегу Ладоги. Ветер был несильный, но по озеру бежали волны. Ладога, как обычно, была холодна и неприветлива. Они проехали несколько километров по безлюдному песчаному берегу и остановились на «кофе-бутерброды». Пока Шуруп доставал термосы и продукты, Гид подошел к собравшимся на берегу туристам, но ее среди них не было. Его о чем-то спросили, он ответил.

Анжелика, та, из развернувшегося УАЗика, посмотрела куда-то за спину Гида и сделала неопределенный жест рукой. Он машинально обернулся. К ним неторопливой походкой шла девушка с короткой стрижкой, в белом свитере и потертых джинсах. Это была Женя. Она внимательно посмотрела на Гида и едва заметно кивнула. Он готов был подбежать к ней, но Женя перевела взгляд на Анжелику и сказала что-то про погоду. Гид еще немного постоял и пошел помогать Шурупу.

После остановки они снова уехали в леса. Шуруп, видя, что шеф не в своей тарелке, постепенно взял руководство колонной в свои руки. Дорога незаметно превратилась в накатанную колею, а затем в едва различимые следы. Дальше им нужно было забраться на узкий высокий гребень, по которому когда-то проходила узкоколейка. Гребень как огромный рыбий плавник рассекал старое заросшее болото. Многие считали его насыпью, но он, как и узкие вытянутые озера, остался после ледника, изрезавшего карельскую землю миллионы лет назад.

Въехать на гребень было не так просто. Не хватит скорости или ошибешься с передачей – придется скатываться задним ходом по кажущемуся почти отвесным склону. Перестараться – не успеешь повернуть на узкой вершине. Поворачивать надо, руководствуясь вестибулярным аппаратом и поглядывая в боковое окно, поскольку в лобовое видно только небо, а если показались деревья, значит, поворачивать уже поздно.

На самом деле ни крутизна, ни высота склона не представляли особой сложности, но для неопытного водителя это было серьезное испытание, да и опытные обычно потом вспоминали этот гребень. Гид всегда здесь собирал водителей и все подробно объяснял. В этот раз инструктаж провел Шуруп. Гид с замиранием сердца смотрел, как заезжал женский экипаж, но все прошло благополучно.

Ширина верхней срезанной кромки гребня едва превышала ширину машины. Рельсы давно разобрали и увезли, и эту кромку можно было бы назвать ровной, если бы не попадающиеся местами останки шпал, на которых машины изрядно трясло. С обеих сторон земная поверхность уходила круто вниз, поэтому и без шпал мало у кого возникало желание ехать быстрее пешехода. Через полчаса внизу показалась лесная дорога, к которой машины медленно и аккуратно спустились.

Когда колонна въехала во двор гостиницы, уже начинало темнеть. Гид с Шурупом занялись осмотром машин. В одном Хантере пришлось заменить свечи, в другом – устранить течь в системе охлаждения, а туристы за это время поужинали и разошлись кто куда.

Гид принял душ и переоделся. Столовая оказалась уже закрытой, из бильярдной доносились звуки неторопливой игры и приглушенные голоса. Он помедлил и поднялся в холл второго этажа. Гостиница стояла на склоне холма, и отсюда далеко просматривался бесконечный густой лес. Где-то очень далеко над неровным горизонтом, словно воспоминания о давно прошедшей грозе, беззвучно вспыхивали зарницы. Всполохи долетали до темного холла тусклыми подрагивающими пятнами света. Гид не сразу заметил неподвижную тонкую фигуру у края большого, во всю стену окна. Он молча подошел и встал рядом.

– Здравствуй, Женя.

– Здравствуй... Гид. Это что, твое новое имя?

– Это – мой позывной. По радио. А может, уже и имя.

– Ты совсем не изменился.

– Ты тоже.

– Сколько лет прошло? Шесть?

– Восемь.

– Ты никогда не был разговорчивым.

Он много раз представлял себе эту встречу, о чем-то говорил, что-то спрашивал, но те фразы не запомнились, а когда он пытался составить новые, слова тут же предательски разбежались.

– Ты... Ты помнишь, как мы познакомились? – неожиданно для самого себя спросил он.

– Я все помню. Книжный магазин в подвальчике на Фонтанке. Я листала какую-то книгу. – Женя повернулась к нему. – А ты тогда напугал меня.

– Я просто подошел и начал читать свои стихи. А ты почему-то вскрикнула.

– Просто от неожиданности. А ты сказал: «Мои стихи мало кому нравятся, но пока еще никто не кричал».

– А потом мы еще сидели в беседке у тебя во дворе.

– А я потом весь день ждала твоего звонка.

Гид удивлялся, как легко всплывали в памяти события, о которых он уже столько лет не вспоминал.

– Ты... замужем? – нарушил он затянувшееся молчание.

– Да.

– Знаешь, я не ожидал...

– Ты думал, что я буду восемь лет ждать? – перебила его Женя.

– Я не о том. Я не ожидал, что, увидев тебя... Что буду мяться, как мальчишка.

– Тебе всегда не хватало решительности.

– Разве?

– Нет, тебе ее хватало только на то, чтобы поставить синяк сопернику.

– Ты и это помнишь? – Гид посмотрел ей в глаза, но в холле было темно.

– Я ждала, что ты придешь и я буду лечить твои раны.

– Это была всего лишь ссадина.

– Для меня это были раны, – чуть слышно произнесла Женя.

– Ты была шестнадцатилетней девчонкой.

– А ты мне казался взрослым мужчиной, и мне это нравилось. А когда мы последний раз виделись, мне было девятнадцать.

– Я уже был женат... – сказал Гид и тут же пожалел об этом.

– Ты был женат? – Женя резко повернулась к нему.

– У нас с тобой пять лет разницы. Тогда это была пропасть.

- Которая тебе оказалась не по зубам. – В ее голосе чувствовалась обида.
- Мне пришлось жениться.
- Ну, это в корне все меняет. А что значит пришлось? Под дулом пистолета?
- Нет, она была беременна.
- А-а, как порядочный человек с беспорядочными связями?
- Можно и так сказать.
- То есть вечером ты читал мне стихи, а ночевать бегал к ней?
- Гид молчал.
- А через три года ты приехал с охапкой цветов, ты так смотрел на меня, и не сказал, что ты женат? – Ее голос стал резким.
- А потом мы разошлись, – сказал он.
- Зачем ты мне все это рассказываешь?
- Женя повернулась, и он подумал, что она сейчас уйдет.
- Женя, может, мы встретились через столько лет не для того, чтобы ссориться? – сказал он.
- Может. Но и не для того, чтобы пытаться начать все сначала, – ответила Женя. – Это у твоих машин есть задний ход, а у времени нет.
- Наверное. Я не знаю, перед кем виноват больше, перед тобой или собой.
- Ты ни в чем не виноват, просто у меня был герой... Принц из детской мечты. А теперь его нет, – сказала Женя уже мягче, но обида в голосе осталась.
- А может, твоему принцу пришла пора стать королем и исправить юношеские ошибки?
- Это как? Не смог построить свой дом и теперь хочешь сломать чужой? Сломать-то несложно.
- Несложно, если у тебя не дом, а карточный домик.
- Пусть карточный, но я его построила и в нем живу. Я уже взрослая, если ты не заметил.
- Не заметил, – произнес Гид.
- Давай оставим мою личную жизнь в покое, лучше расскажи о себе, – предложила Женя. Они помолчали.
- То, чем ты занимаешься, это бизнес или хобби? – спросила Женя.
- Наверное, и то и другое.
- И как? Получается?
- Ну, если мерить деньгами, то результат – не очень. А по мне, так все здорово.
- Бывает же! Я последний раз видела человека, который всем доволен, в советские времена, да и то на трибуне, – сказала Женя с иронией.
- Нет, я не всем доволен, но и не вижу смысла жаловаться. А в целом меня все устраивает. Я на своем месте.
- Но ты же в универе учился и, кажется, хотел стать математиком?
- Хотел, – ответил Гид. – Из нашей группы наукой занимаются трое, человек пять пошли в бизнес, а остальные – кем только не стали: режиссер, карточный игрок или шулер, не знаю, политик... да, и священник. Как говорил у нас один профессор, у математиков очень сложная жизнь, потому что жизнь гораздо сложнее, чем математика.
- Интересно.
- А ты как? Рисуешь? В смысле, пишешь? – спросил Гид.
- По выходным, бывает, пишу. Так, для себя. А на работе рисую, иногда даже черчу. Я – дизайнер.
- А здесь ты с кем?
- С Анжеликой, с подружкой. Мы учились в одной группе. Она обожает машины и решила вывезти свою студию, а ее муж не смог поехать.
- А твой?

– Она пригласила меня. Мы сто лет не виделись, хотелось пообщаться. Да и на природе нечасто бываем.

– Понятно.

– Потом, я – удобный компаньон для такого случая, не особо рвусь за руль.

Они помолчали.

– Ты... счастлива? – вдруг вырвалось у Гида.

– Это важно?

– Тогда, через три года, я просто очень хотел тебя увидеть.

– И что? Увидел?

– Увидел.

– Ничего ты не увидел. – Женя снова повернулась к окну.

– Ты сказала, что у тебя есть парень.

– Я хотела тебя позлить... А ты не заметил, что пропасть стала меньше?

– Заметил.

Гид осторожно взял ее за руку.

– Женя... пойдём ко мне.

– С ума сошел?

– Сошел.

– Спокойной ночи... Гид.

– Прости меня.

Гид еще долго стоял у окна, пытаясь понять, что с ним происходит. Он вспоминал их платонический роман с Женей. Он писал ей стихи, они вместе ходили в Эрмитаж, в театры. Он мечтал о ней, она ему снилась, и при этом они даже ни разу не целовались. Дело не в возрасте. Она была умной начитанной девушкой, а где, как не в книгах, тогда можно было почерпнуть житейской мудрости? Почему он так и не посмел к ней прикоснуться? Боялся, что Женя отвергнет его? Конечно, но это же просто один из обязательных этапов старой, как мир, игры между мужчиной и женщиной. Игры, в которой настойчивость всегда имеет шанс оказаться вознагражденной. Понимал ли он тогда это? Он уже не помнил.

Помнил, что это был тот самый возраст, когда гиперсексуальность оказывалась сильнее всех остальных чувств, а зачастую и рассудка. Зачем Бог создал нас такими, за что такое наказание? Почему у женщин отношение к сексу гораздо разумнее и правильнее? Может, Бог, создавая Еву, учел недостатки конструкции Адама. Возникшая в голове аналогия с выпуском новой, более совершенной модели автомобиля заставила его рассмеяться над собственными рассуждениями. Да, похоже, права была его бывшая жена, говоря, что он совсем помешался на этих машинах.

– Гид, ты здоров?

В холле стоял Шуруп и с интересом смотрел на него.

– Здоров, как никогда.

– И кто она такая?

– Шуруп, ты никогда не слышал о тактичности?

– Я в техникуме проходил двухтактные и четырехтактные двигатели. Так что о тактичности знаю все. А тебя я таким никогда не видел.

– Каким таким?

– Ты сегодня молчал весь день, а теперь ржешь один в темноте.

– Да ты – просто психолог!

– Я просто давно с тобой езжу.

– Хорошо, я голоден, а с остальными проблемами справлюсь сам.

– Ну, пошли поедим, я тоже голодный.

После нехитрого ужина Гид спросил:

- Анкеты все заполняли?
- Да. То есть только водители.
- Пусть заполнят все. Или нет, пусть на анкетах водителей допишут номера своих мобильных все пассажиры.
- Понял. – Шуруп внимательно посмотрел на Гида. – Имена, фамилии тоже?
- Не обязательно.
- Значит, старая знакомая?
- Молодая. Ну, ты – Шерлок Холмс!
- Я – доктор Ватсон.
- И Санчо Панса. В одном флаконе.
- Какая еще Панса?
- Книжки иногда надо читать. И не только по устройству автомобилей.
- Будто ты читаешь?
- Я уже столько прочитал, что мне писать их пора.
- Шуруп ненадолго задумался и изрек:
- У меня есть план.
- Не пугай меня.
- Смотри. Эта, которая у них за рулем...
- Анжелика?
- Да. Она, похоже, с асфальта никогда не съезжала.
- И что?
- Я подойду к ней и предложу поменяться со мной местами, чтобы ты ее поучил. А потом, на какой-нибудь засаде, ты уйдешь в хвост колонны давать умные советы и вызовешь меня по радио.
- А дальше?
- Попросишь пригнать Деф, чтобы кого-нибудь дернуть. Я окажусь рядом с ним и приеду. А ты сядешь за руль их машины. С ней.
- А Анжелика тут же вылезет и скажет: «Спасибо, я пошла к себе».
- Черт, надо еще подумать. – Шуруп почесал затылок.
- Вообще-то идея неплохая, нужно только сделать так, чтобы ей было не дойти. Например, оказаться на разных берегах.
- Точно. Я на УАЗике поеду в хвосте, потом перейду какой-нибудь ручей вброд. И ты вброд, только назад. Все, что нам надо, – чтобы в броду кто-нибудь застрял.
- Это как раз несложно. Только все это неправильно. Нас наняли, и мы должны делать свою работу, а не играть в «Казачьи разбойники».
- Когда это ты отказывался поиграть в разбойника? Похоже, дело совсем плохо.
- Да нет, просто все это ничего не даст.
- Гид, я видел, как млеют девушки, когда ты за рулем. Помнишь, катали двух из Союза приключений?
- Это когда у нас было полтора часа, чтобы показать пятичасовой маршрут?
- Да. Так вот, они на тебя смотрели, будто ты – сам Бельмондо, а на меня вообще внимания не обращали. Знаешь, как обидно было!
- Я не заметил.
- Конечно, ты же обычно, кроме дороги, ничего не видишь.

Озеро

Утром Шуруп обошел туристов и попросил дописать анкеты. На случай экстренной связи, если кто отстанет и рация не будет добивать. Анжелике он предложил небольшой курс вождения по бездорожью с Гидом. Обменявшись несколькими фразами с Женей, она согласилась и пошла к Дефендеру.

Шуруп сел на ее место, потом спросил Женю, не хочет ли она сама вести машину. Женя не хотела. Шуруп ехал замыкающим в колонне и время от времени поглядывал на свою спутницу. Красивая девушка, но из другого мира.

День обещал быть жарким. Женю клонило в сон. В какой-то момент она задремала, но машину тряхнуло на кочке, и Женя открыла глаза. Поймав взгляд Шурупа, она совсем проснулась.

– Ты давно с Гидом работаешь?

– Да, можно считать, всю жизнь. Ну, после техникума.

– Всю жизнь, это сколько?

– Это... Скоро три года будет.

– И как, нравится?

– Ага. Особенно соревнования.

– Какие соревнования?

– Ну, трофи-рейды, джип-спринты... На внедорожниках.

– Это что, как Париж – Дакар?

– Да нет, Дакар – это ралли-рейд. По пустыням, степям. Там скорости, конечно, бешеные, но проехать, в принципе, нетрудно. А мы ездим по пампасам, ну, в смысле – по болотам, через броды. Короче, там, куда на обычной машине вообще не доехать. Да и на тракторе тоже.

– Вы вдвоем ездите?

– Ну конечно: пилот и штурман. Экипаж.

– И ты – штурман?

– Штурман.

– Не расстаешься с компасом и секстантом?

Шуруп покосился на Женю, но убедившись, что она говорит без насмешки, ответил:

– С джи-пи-эс-навигатором. Спутниковым. А больше с тросом от лебедки. И еще с гаечными ключами.

– А в остальное время что делаешь?

– В остальное? Сплю.

– Так много спишь?

– Да нет, так мало остального времени. Гид всегда придумает, чем заняться.

– На вас интересно смотреть со стороны. Он тебя старше в два раза, а общаетесь, как сверстники.

– Да? А в пампасах по-другому не получается. Ну, и потом, я почти все время с ним.

– Как оруженосец?

– Как этот... Санчо Панса!

– И какое оружие предпочитает Дон-Кихот? Копье, шпагу?

– Это, в смысле, Гид?

– Да.

– Оружие? Я думаю, хай-джек.

– Это что такое?

– Домкрат такой. Реечный. Полутораметровый. И весит килограмм двадцать.

– Не очень романтично.

– Зато надежно. А если умеешь пользоваться, то очень серьезное оружие.

– И часто у вас эти... рыцарские турниры?

– Трофи-рейды? Да чуть ли не каждую неделю. Кроме зимы, конечно. Но у нас по работе не всегда получается, так что ездим где-то раз в месяц.

– А Дульсинея у него есть?

– Это кто?

– Да неважно.

Анжелика с интересом разглядывала необычное убранство кабины. Переезжая через поваленные деревья или глубокие лужи, Гид объяснял, что и почему он делает. Она иногда что-то спрашивала, нисколько не стесняясь проявить полное невежество в автомобильной науке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.